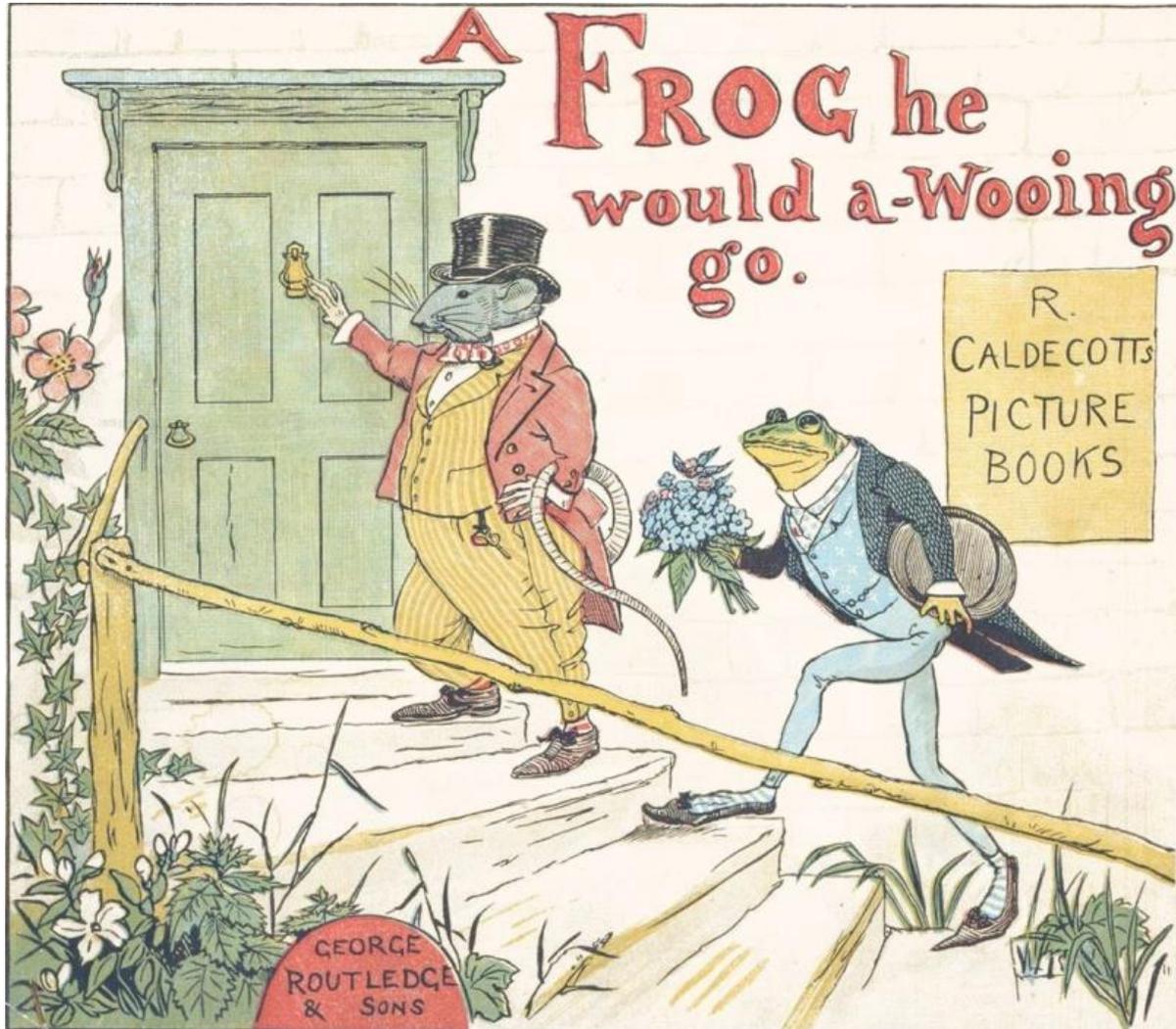


Ребекка Дотремер

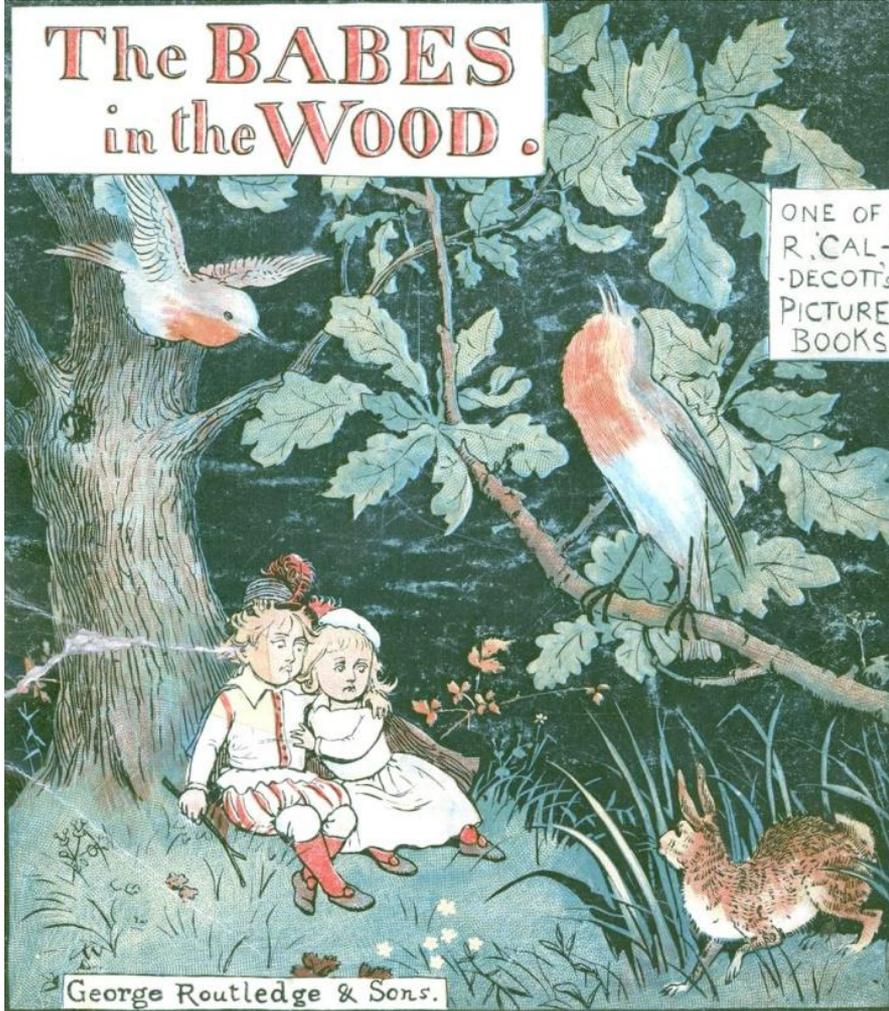




Рэндольф Калдекотт



Рэндольф Калдекотт



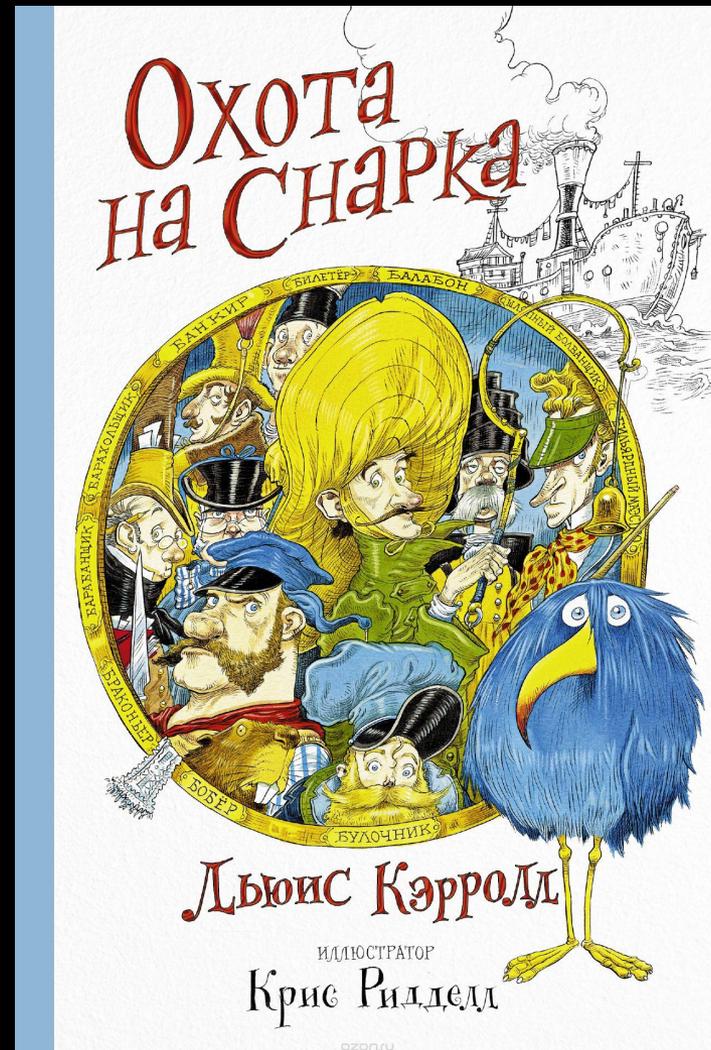
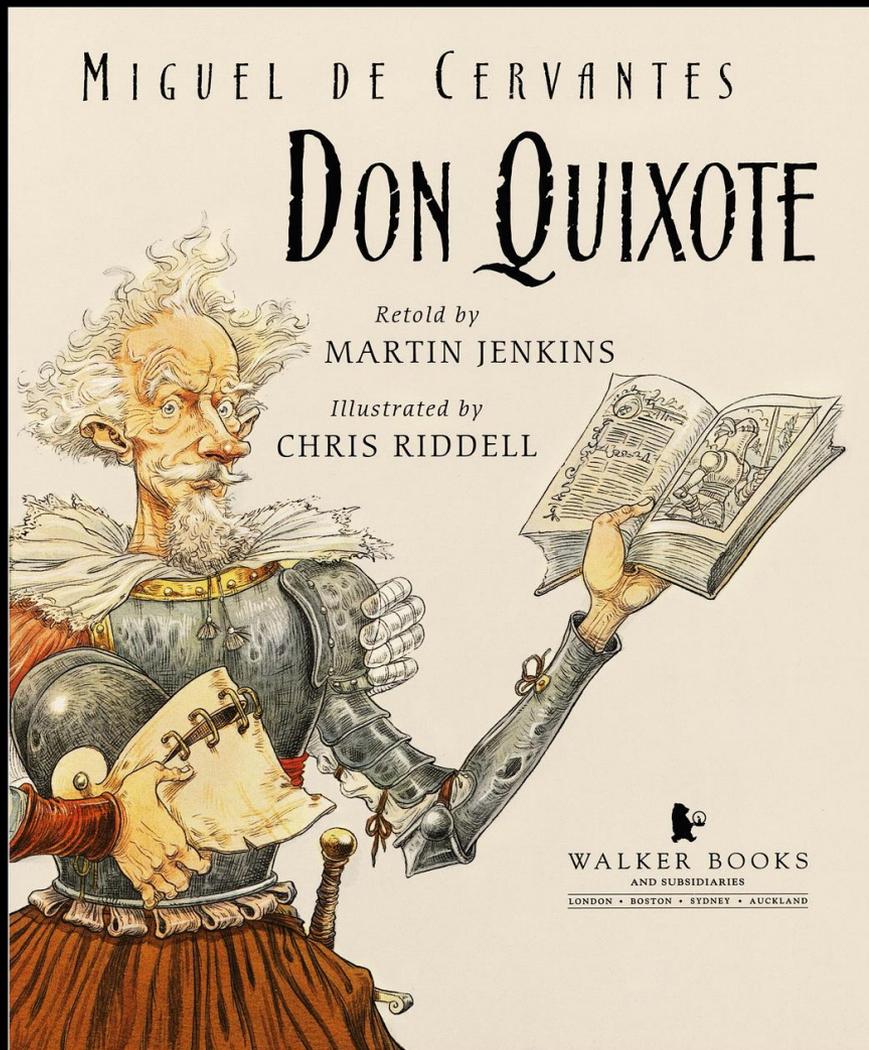


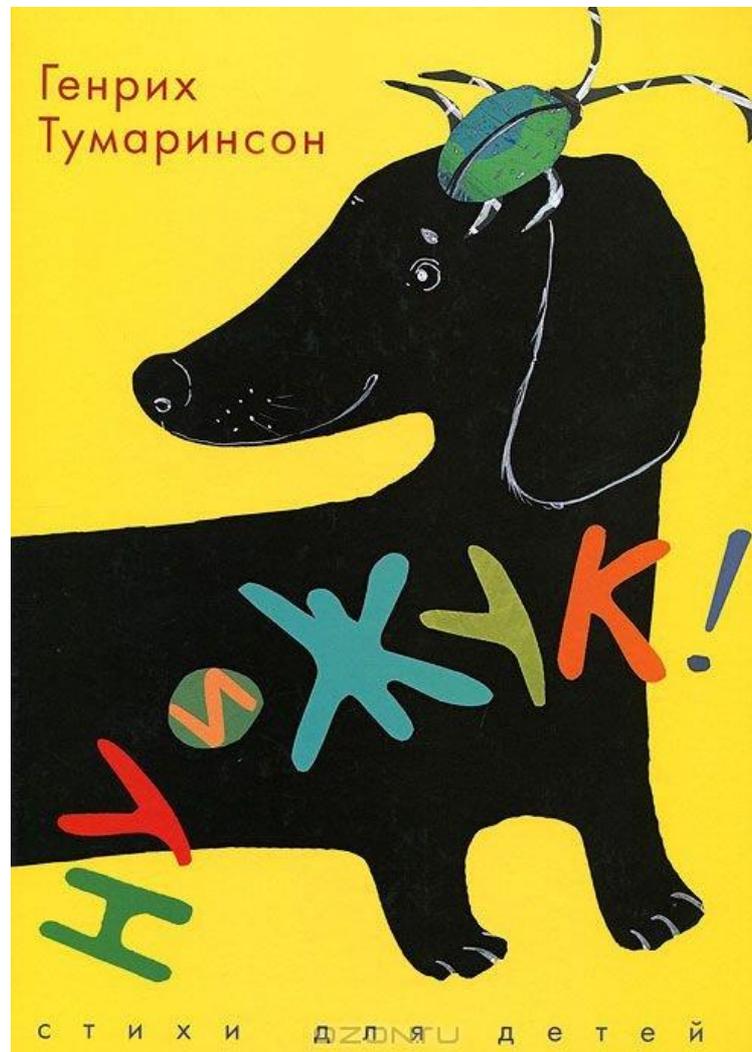
Пропущены слова — говорит рисунок.
Пропущены рисунки — рассказывают слова.

Оливер Джефферс

Dear Duncan,
As green crayon, I am writing for two reasons. One is to say that I like my work-load of crocodiles, trees, dinosaurs, and frogs. I have no problems and wish to congratulate you on a very successful "coloring things GREEN" career so far.
The second reason I write is for my friends, yellow crayon and orange crayon, who are no longer speaking to each other. Both crayons feel THEY should be the color of the sun. Please settle this soon because they're driving the rest of us CRAZY!
Your happy friend, Green Crayon





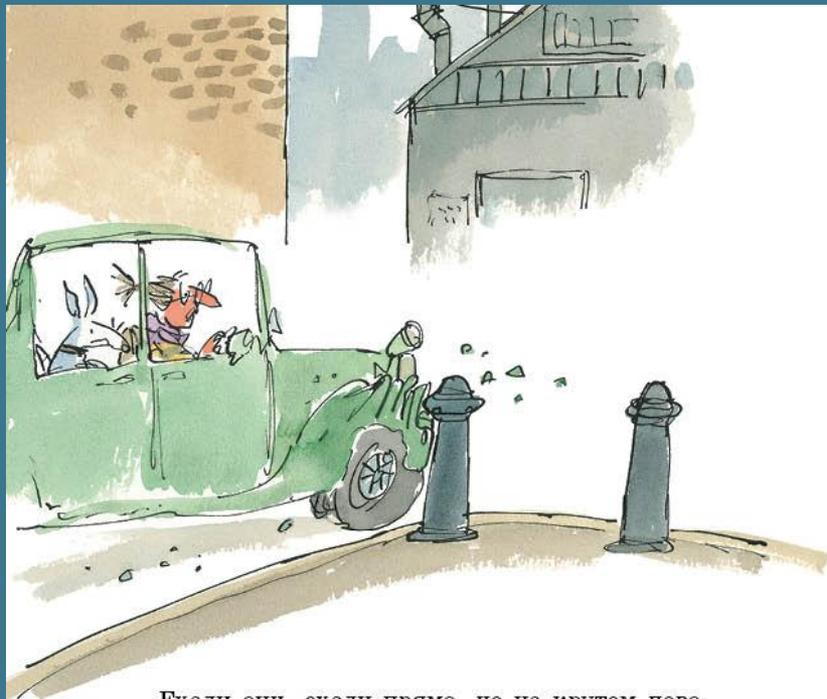












Ехали они, ехали прямо, но на крутом повороте в конце улицы...

ВЖИХ! ХРУСЬ! БЭМС!

...миссис Бампс врезалась в чугунный столбик, да так, что у машины снесло правое крыло.

10

Миссис Бампс снова вышла из машины взглянуть, что же такое случилось.

— Подумаешь, крылья, — проворчала она. — Без них обойдёмся, правда Хвостик?

Миссис Бампс выбросила оба крыла на свалку, и они с Хвостиком снова тронулись в путь.



Оливер Джефферс

Но когда мальчик добрался до дома,
то ужасно устал, поэтому уселся в любимое кресло,
просто чтобы перевести дух.



Начиналась
его любимая передача,
и мальчик устроился поудобнее
перед телевизором.



побежал. Змей чуть-чуть подлетел и тут же шлёпнулся на траву.

— Давай ещё раз! — ободрила брата Джейн.

— Ты поддержи, когда я побегу, — сказал Майкл.

На этот раз змей взлетел немного выше. Но его длинный, украшенный кисточками хвост зацепился за ветки большой липы; бечёвка запуталась, и змей бессильно повис на дереве.

Близнецы громко завывали.

— О господи! — сказала Джейн. — Ничего сегодня не получается!

— Эй, эй, эй! Что это такое? — прозвучал сзади строгий голос.

Ребята обернулись и увидели паркового сторожа в красной форменной куртке и фуражке. Он подбирал разбросанные бумажки, нанизывая их на остроконечную палку.

Джейн показала на липу. Сторож поглядел вверх, и лицо у него стало очень строгое.

— Ай-ай-ай! Вы нарушили правила! Это никуда не годится! Разве вы не знаете — здесь сорить не разрешается! Ни на земле, ни на деревьях!

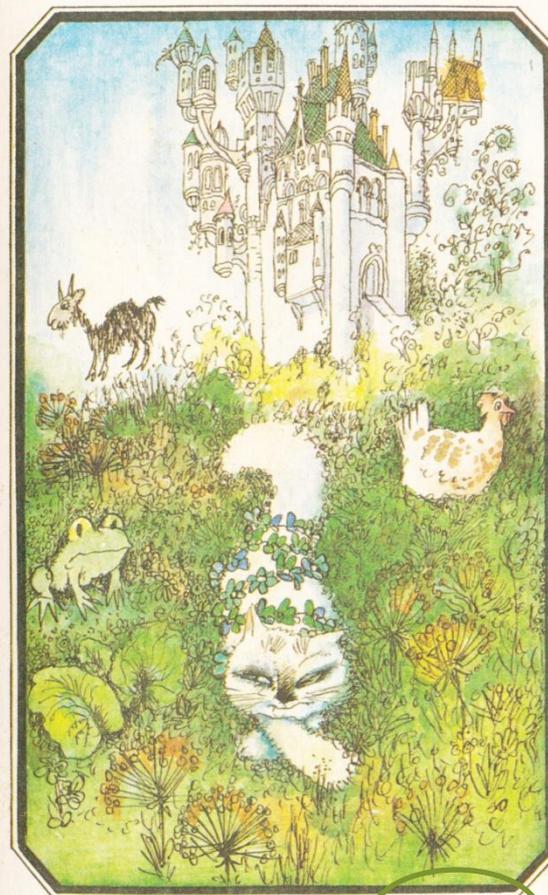
— Это не сор, — сказал с возмущением Майкл. — Это змей!

Сторож подошёл поближе к липе и вдруг расплылся в радостной, добродушной, даже чуть глуповатой улыбке:

— Верно, змей! А я, ребятки, очень-очень давно не пускал змея — с тех пор как был мальчиком!

Он мигом влез на дерево и спустился, осторожно держа змея под мышкой.

— Сейчас запустим! — сказал он радостно. — Намотаем бечёвочку, и он у нас ого-го как полетит!



Они продираются через
непролазные джунгли.
Они качаются на лианах,
они ползком пробираются
сквозь заросли.
Это супертимбасно!
Тимбо — фантастический
слон!



И вдруг Антон слышит — его зовут.
— Антон! Что ты делаешь под кроватью? — спрашивает мама.
— Я играю со слоником из посылки. Он умеет говорить!
— Ох, Антон! — вздыхает мама огорчённо. — Я же для Луизы получила посылку! Чтобы ей отдать, Луизе! Я же просила тебя отнести посылку ей...
— Не может быть... — Антон ужасно расстроен.
— Может. Очень жаль, но так и есть. Вылезай, пойдём к Луизе вместе.



На берегу моря...

Откуда я взялся?..

- Мы нашли тебя на берегу моря.
- Значит, я потерялся?..
- Нет, скорей - ты упал со звезды
Прямо в море, и там тебя подхватили киты,
Чтобы ты ничего не боялся.

- И кит плыл по большой волне,
Будто ждал знака.
- И ты спал на его спине, все вокруг спали.
- А я плакал?..
- Да нет, да нет, ну зачем - плакал?..
Ведь мы ждали на берегу, мы тебя ждали.

- А на самом деле все дети живут на звездах?
А потом попадают в море, где их заметят?
- А ты знаешь, как вас ждать бывает непросто?
Мы сидим на берегу и играем на флейте...

- Столько всякого на веку - и ночей тёмных,
И ненастных дней, и теней, головы выше...
Вдруг мы смотрим - на берегу золотой львёнок.
И мир видел, и мир понял, и мир выжил.



ДОЖДИК

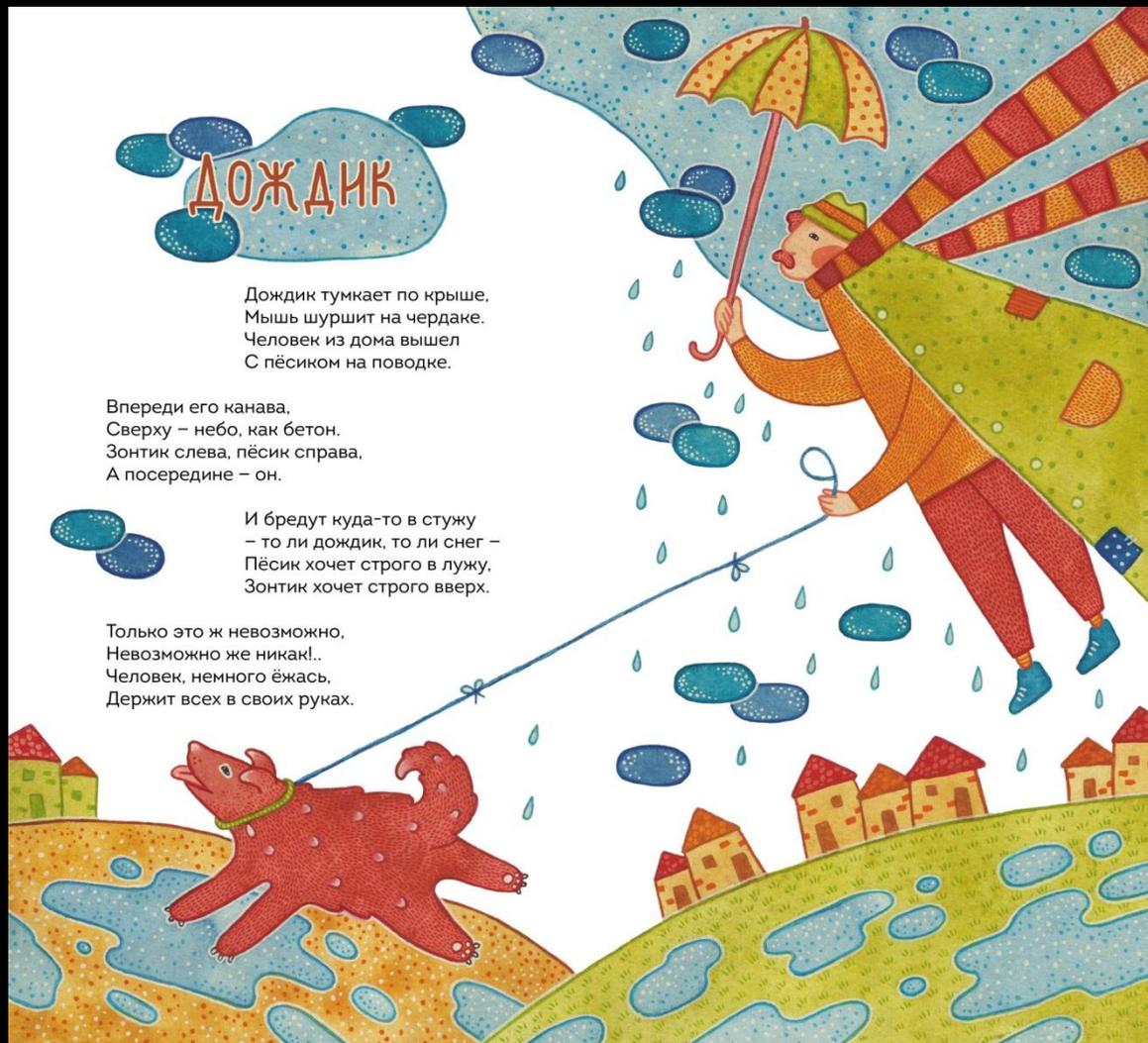
Дождик тумкает по крыше,
Мышь шуршит на чердаке.
Человек из дома вышел
С пёсиком на поводке.

Впереди его канава,
Сверху – небо, как бетон.
Зонтик слева, пёсик справа,
А посередине – он.

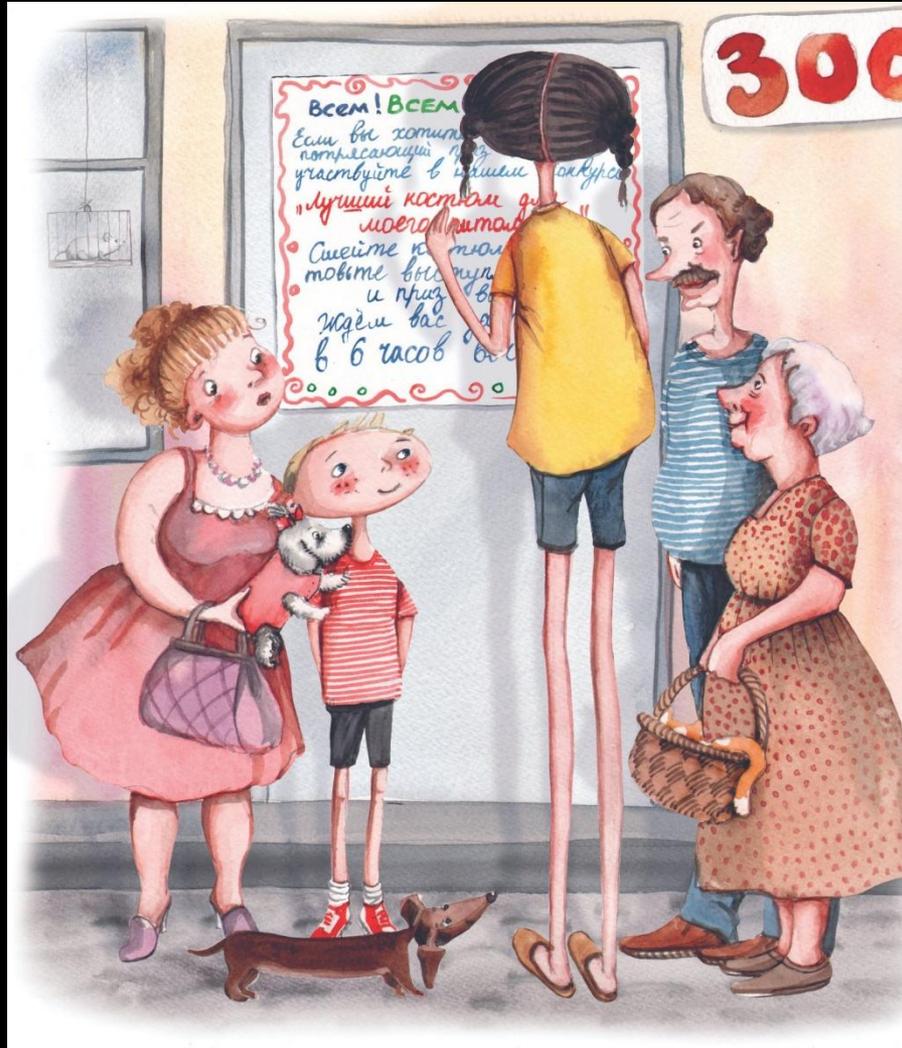


И бредут куда-то в стужу
– то ли дождик, то ли снег –
Пёсик хочет строго в лужу,
Зонтик хочет строго вверх.

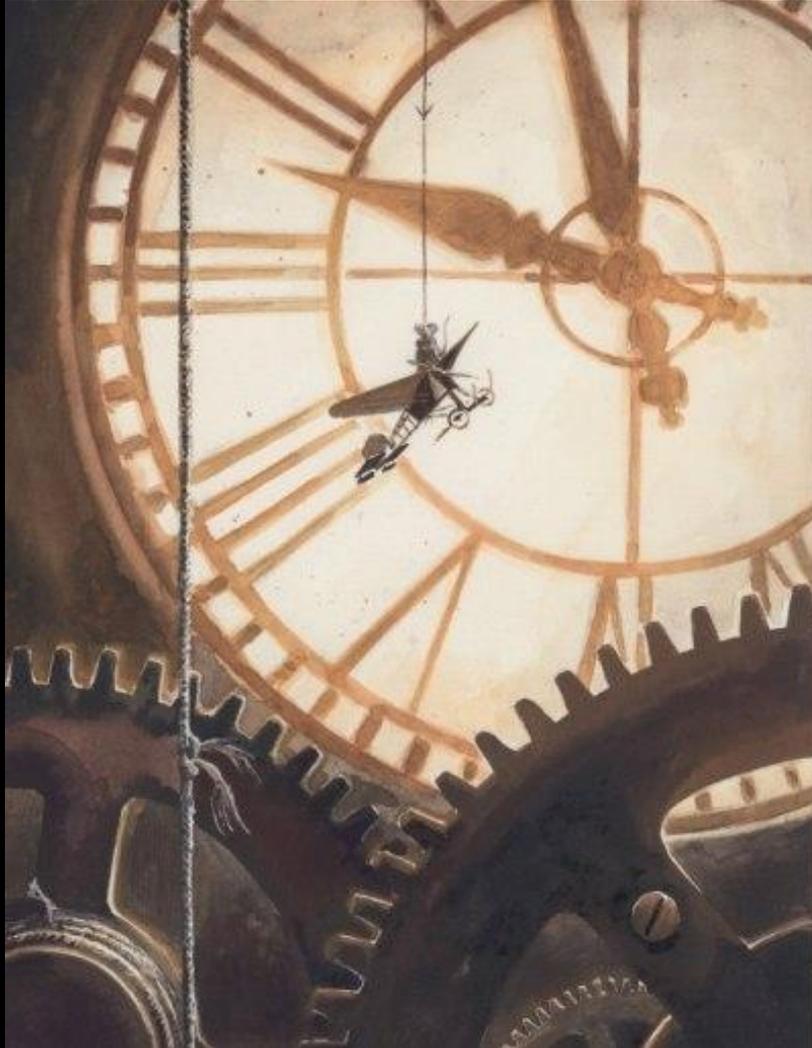
Только это ж невозможно,
Невозможно же никак!..
Человек, немного ёжась,
Держит всех в своих руках.







Торбен Кульманн



Внутри было темно. Тикали и били огромные часы. Снова и снова раздавался оглушительный звон колокола. Однако с помощью неутомимо крутящихся часовых шестерёнок мышонки без труда взгромоздили свою тяжёлую летательную машину на самую верхушку башни.

Рыча и шихтя, паровой двигатель завёлся. Пропеллер загудел на ветру. Гул стоял невероятный! Но тут сквозь шум мотора послышались и другие звуки. Где-то в тумане, позади него, громко захлопали крылья. И они всё приближались и приближались!



общий велосипед. Хотя... Вот я увидел это объявление, а могло бы быть наоборот. И он пошёл бы к Августине, и Вилли достался бы ему. Интересно, Комарик давал бы мне покататься?

— Как ты думаешь, Вилли? Ведь Комарик — он так хочет на эту гонку...

— Да, жалко. Жалко, что меня не два, — ответил Вилли.

— Как думаешь... может, ему лучше ехать, а не мне? А?..

— Как это? — закрутил рулём Вилли. — А как же ты?! Нет, знаешь что! Я вот хочу с тобой! Так и знай! Скажешь тоже! Совсем уже!

На всякий случай я ещё поговорил с Августинкой.

— Ну ты даёшь, Севка! — сказала она. — Хотя... Он твой друг?

Я пожал плечами. Не знаю, можно ли считать Комарика другом. Я ведь просто даю ему покататься, и всё.

— Знаешь, — сказала Августина, — если бы друг... Просто смотри: если ты ему уступишь, а потом будешь злиться... то тогда не надо. А если сам поедешь и будешь злиться на себя... Нет, только ты сам должен решить.

Ну, я и решил. Что сам поеду. Твёрдо решил.

И передумал в воскресенье утром, перед самой гонкой. Только представил себе Комарика... Конечно, пускай едет. Чего мне? Я и так покатаюсь потом...

У входа в парк была целая толпа — никогда ещё я не видел столько велосипедов сразу! Ну и ладно, и не поеду. Вон какие тут старшеклассники, и велики у них какие... Где вот Комарик,

интересно? Где его носит? А, вот же он, сидит на заборе!

Но вдруг над ухом раздался голос Марка:

— А, вот вы где! Я вас уже двенадцать минут ищу.

Вот странно. Нас ищет? Зачем это?

— Я тут подумал... — продолжал Марк. — Комар, ты хотел бы вообще погонять? Ты же умеешь, кажется?

Рука у Марка висела забинтованная. А другой рукой он держал за руль свой велосипед.

— Ты чего это? Сломал, что ли?!



Л

костюм. Или на швейную машинку. Или, скажем, на пианино. Вот ужас-то — обменять живой велосипед на пианино!.. Нет, нет, вот моя мама никогда бы такого не сделала. Это могут одни сумасшедшие, вроде этой Августины Блюм.

Вряд ли она чья-то мама. Скорее всего, Августина — выжившая из ума старушка. Она откопала в своей кладовке старый велосипед с погнутой рамой и без колеса и теперь хочет избавиться



от этого хлама. Ведь на его место можно поставить прекрасный стеллаж с банками. Все старушки очень любят банки — с вареньем из апельсиновой кожуры и маринованными артишоками.

Стоп: где она взяла артишоки в наших краях? Я вот за свои десять лет жизни не видел ни одного



секрет. Теперь я могу награждать себя котлетой за мудрость. Просто нужно дождаться, пока папа уйдёт в комнату, замотать нос шарфом и утащить самую поджаристую, самую большую... В общем — самую-самую.

Я уже кралась в сторону кухни — и тут зазвонил мобильник. Будь на моем месте Шерлок, он сразу бы догадался, кто ему звонит и зачем. Но я ещё так не умею. Поэтому пришлось бежать к телефону.

— Женька, хватай какую-нибудь еду и приходи! Колбасу бери... или сосиску... Только быстрее! — Мишка так орал, что у меня зазвенело в ухе.

— К тебе приходите? — удивилась я.

— Зачем ко мне! Беги к маленькой горке у старых домов. Только прямо сейчас. Она... она даже на ноги уже не встаёт... — Мишка хлюпнул носом и отключился.

Я так торопилась, что забыла варежки.

Пришлось греть руки котлетами. Я перекладывала тёплый пакетик то в левую, то в правую руку и думала: интересно, кто эта ОНА, про которую говорил Мишка? И почему ЕЙ так срочно понадобилась еда?

Ещё чуть-чуть, и будет горка у старых домов... Что Мишка там забыл?

Старые дома стояли на краю парка, у спуска к реке. Когда-то здесь была деревня Малявки, а потом город вырос, и яблоневый сад, окружавший деревню,



История вторая

Рецепт волшебного дня

Яблоки, яблоки... ЯБЛОКИ.

У нас дома теперь настоящий сад. На каждом шкафу полным-полно ярко-красных яблок.

Однажды утром в дверь позвонили. Когда папа открыл, я увидела на пороге смешного толстенького человека, который держал перед собой большущую картонную коробку. Она просто стояла у него на животе, как на подставке. Человек посмотрел на меня — и совершенно не удивился.

Как будто ему уже сто раз встречались девочки, которые выше папы, в одном носке и в пижаме с медведями.

— Только ничего не говорите! — закричал человек. — Это — вам. У меня ж руки не поднимались! Я в саду сидел — и плакал! А яблоки на землю падают — бум, бум! А я ни повернуться, ни наклониться — ничего не могу!



Он так шумел, что наша такса Ветка обрадовалась: наконец-то в дом пришёл бандит. И теперь она сможет нас защитить.

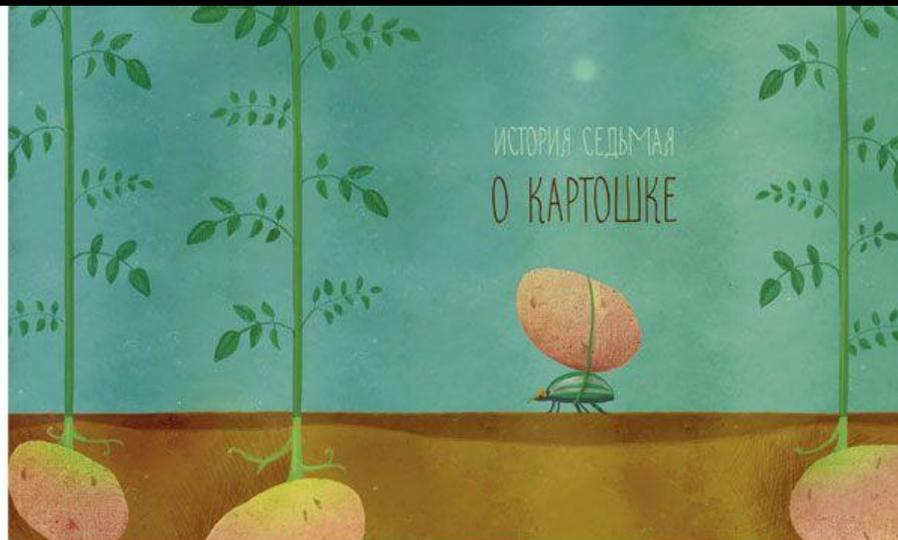


- Без каких?
- Без страстей, – отчеканил чизкейк и пристально посмотрел на тирамису. И наш итальянец, конечно, признался. Только он не послушался друга: в самый разгар признания он стал размахивать руками, бить себя в грудь и падать на колени. А его красивый акцент стал ещё красивее!
- Но ромовая баба всё равно ушла. Она даже не дослушала до конца. Отвернулась и пошла куда-то. Наш итальянец не видел куда – глаза ему застлала слезы.
- Я ни на что не годен! – рвал тирамису на себе волосы. Не в прямом смысле, конечно, а в переносном. – Maledire! Mille diavoli! (Проклятье! Тысяча чертей!)
- Слушай, может, хватит уже притворяться? – спросил друг.
- О чём это ты? Я не понимаю.
- Всем известно, что никакой ты не итальянец.
- Да? – ужаснулся тирамису. – А кто тогда?
- Русский. Тебя же Олег Викторович испёк.
- А что же вы тогда молчали? Что же вы меня звали «нашим итальянцем»?
- Мы тебе подыгрывали, – сознался чизкейк.
- Подыгрывали?! – Тирамису не верил своим ушам. – И что, ОНА ТОЖЕ знает?

Чизкейк кивнул. Ему не хотелось расстраивать друга. Но лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Это правило работает даже в кондитерской.

Теперь всё было ясно. Всё стало ясно тирамису. Конечно, раз она знает его самый страшный и стыдный секрет, она никогда его не полюбит! Ведь он же никакой не необычный, не загадочный житель далёкой страны. Он рождён в том же тазике с тестом, что и остальные!

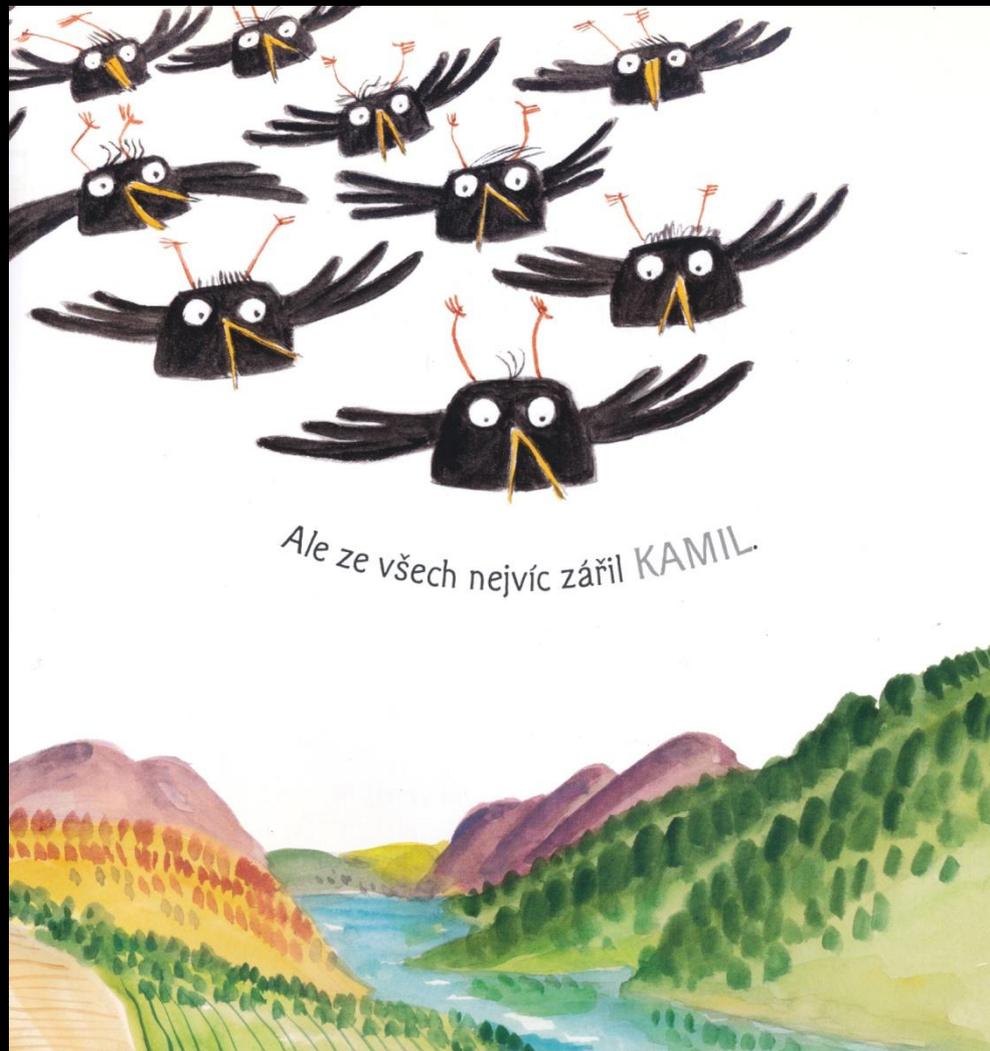
И знаете, что тирамису после этого сделал? Думаете, уехал далеко-далеко, не смея больше смотреть в глаза друзьям и возлюбленной? Нет, он по-другому поступил. Он долго-долго думал и даже заплакал и погрустил немного, а потом взял и признался ромовой бабе. Не в любви, а вообще – во всём. И тогда она улыбнулась ему (в первый раз в жизни), и тирамису стал вдруг самым счастливым во всей кондитерской. После этого он даже перестал размахивать руками и подделывать акцент. Говорил, как все обычные кондитерские изделия.

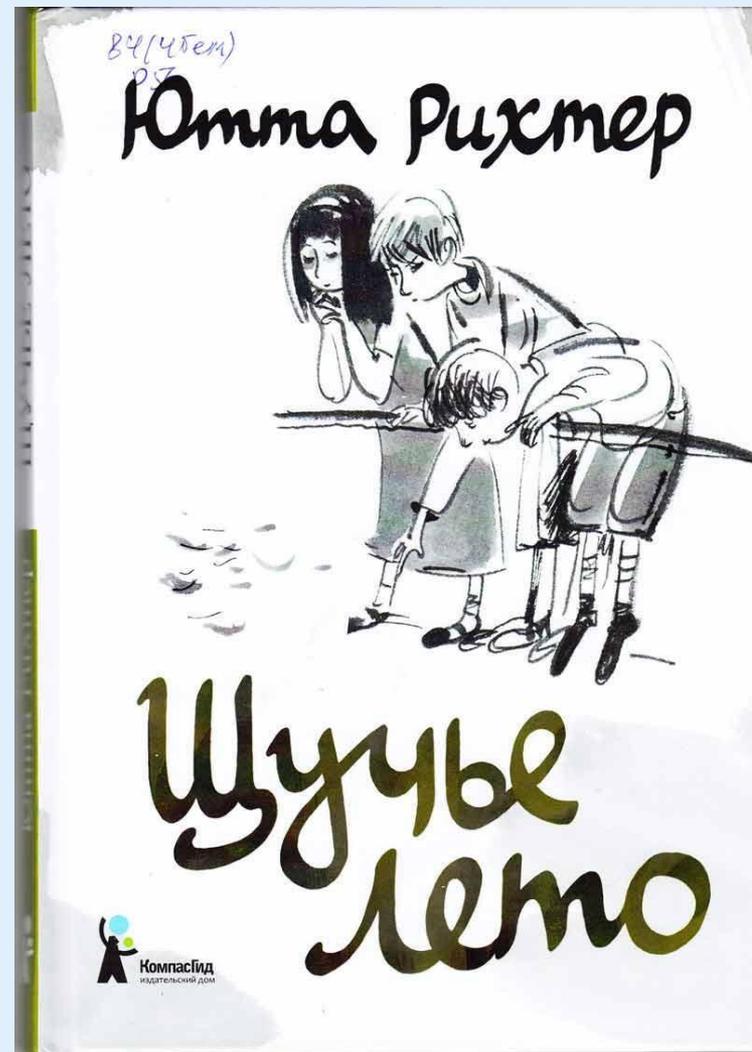


В кондитерской на углу Тополиной и Розмариновой жила-была одна картошка. В смысле, не настоящая, а пирожное. Она была сделана из печенья, какао и сливочного масла. Её готовил сам Олег Викторович – с большой любовью и заботой. Картошка была его самым любимым пирожным. Можно сказать, именно из-за любви к ней он стал кондитером – с картошки когда-то началась его карьера.

Но картошку любил не только Олег Викторович, её любили все. Начиная с обитателей кондитерской и заканчивая её посетителями. Просто она была приятной во всех отношениях картошкой: у неё был покладистый характер и всегда хорошее настроение. До тех пор, пока однажды...

Однажды картошка поняла, какую жестокую шутку сыграла с ней судьба. А дело было вот как. Один раз по телевизору показывали кино. Про влюблённых. Это было старое кино, и влюблённые там были колхозниками – они работали в поле.





Евгения Двоскина

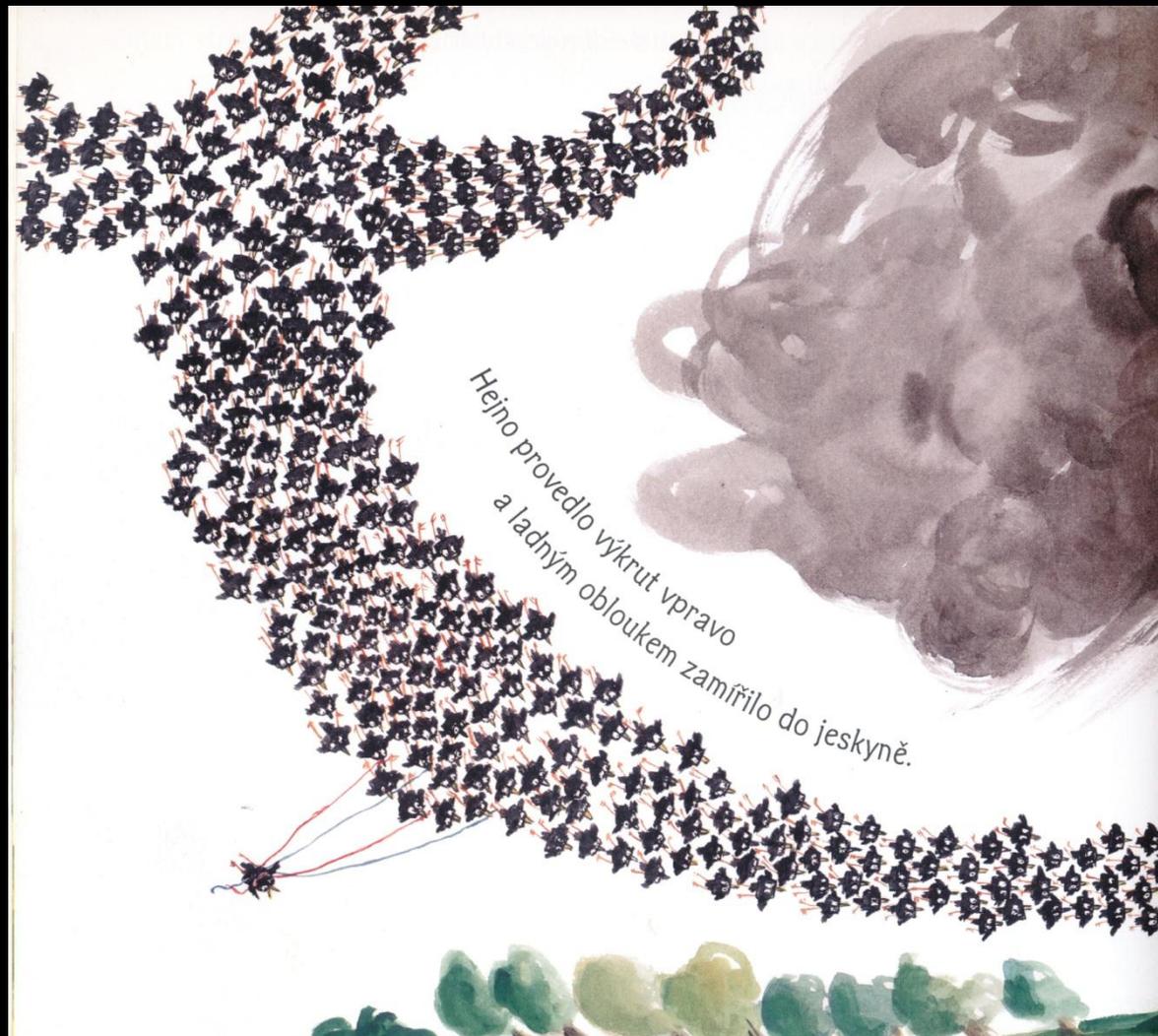


бы пальто все же превратилось в жилетку или в сиденье для табуретки, чем бы мама сегодня удивила своего художника? Стащила бы у меня малиновую толстовку?..

В моих вещах она уже рылась, сказала, что у меня серая депрессивная гамма. Кто бы говорил. У нее тоже все серое. Не безликое, а благородное. И пальто у нее серое, чуть ниже

— Вот он, — сказал я. — Переулок Маятников.
— Точно, — удивился продавец. — Смотри-ка, совсем рядом! Перейти через мост, и...
— Сколько стоит карта? — спросил я. Не хотелось сразу говорить ему, что у меня нет денег.
— Она не продаётся, — ответил продавец и бережно сложил карту обратно в коробку. — Запомнил дорогу? Через мост и направо!
— Спасибо, — сказал я и добавил: — Чрезвычайно большое спасибо!
— Удачи, — ответил он. И помахал мне рукой.
На мосту я оглянулся. И увидел, что он стоит в дверях своего магазина и смотрит мне вслед.





Hejno provedlo výkrut vpravo
a ladhým obloukem zamířilo do jeskyně.

Анна Десницкая

Ирина Муромцева:

12 октября — Трезорка Тре-зор! Ко мне! Вот несудь!
 Это наш тудель-высочил из пролёта, прыгает вокруг незнакомого дворника и громко лает, а папа и рад бы ухватить Трезорку за ошейник, но у папы на коленях пристроена нянюшка укладки, и двинуться никак невозможно. Мы переезжаем на новую квартиру в большом новом доме, поэтому и дворник незнакомый, но он такой же важный и солидный, как и Никаиор в старом доме на Самотёке, с такой же окладистой бородой и блестящей бляхой. И этот новый дворник совсем не испугался нашего Трезорки, а наоборот, легко подхватил нянин сундучок и понёс его к нам по лестнице!

Новая квартира пахнет краской, клеем и воском, как будто только что натерли полы. Вся мебель, корзины, чемоданы и узлы уже разгрузили с лодовды, и всё расставили по местам, даже мамин фортепьяно, даже фикус в горшке и всех моих кукол! И наши старые вещи как будто тоже стали новыми, немного чуждыми и незнакомыми. Ах, теперь у меня будет большая детская, и у папы свой кабинет, и горячая вода из крана в ванной! А комнату рядом с детской отдали тётушке Марье Николаевне, маминей старшей сестре. Она с нами живёт недавно, и я её побаиваюсь: уж очень она сурово смотрит, даже мама рядом с ней как-то тушует. Но сегодня и тётушка переменилась: она так ласково улыбается и даже тихонько напевает себе под нос. На новом месте нас всех, наверно, ждёт много счастья!

папин кабинет
 комната тётки
 парадный вход
 гостиная

тётушка Мария Николаевна
 распаковывает вещи



Илья Степанович Муромцев,
 папа, расставляет книги
 Ирина Муромцева Трезор

мама Никифоровна
 (Саргисия Никифоровна Шестова)
 несёт фикус

Елена Николаевна Муромцева, мама
 развешивает фотографии
 спальня родителей



кукольная коляска
 Ирины

сапожки

детище и
 кличка: Кукларки

чёрный ход
 (для приёма
 дворника, почтальона,
 постелье, развозчиков
 и посыльных)

детская

кухара Петровна
 (Марфа Петровна
 Силинова)
 и Варнига
 Дудина

несёт сундук,
 на котором спит
 Петровна, в её
 комнату

кухня

Федосия Марьям
 несёт чемоданы

туалет

ванная



пояс Ильи
 Степановича
 и саквояж
 с инструментами
 и лекарствами

Вася



шляпа Марьи
 Николаевны



зонтик и перчатки
 Елены Николаевны

Анна Десницкая



Анна Десницкая



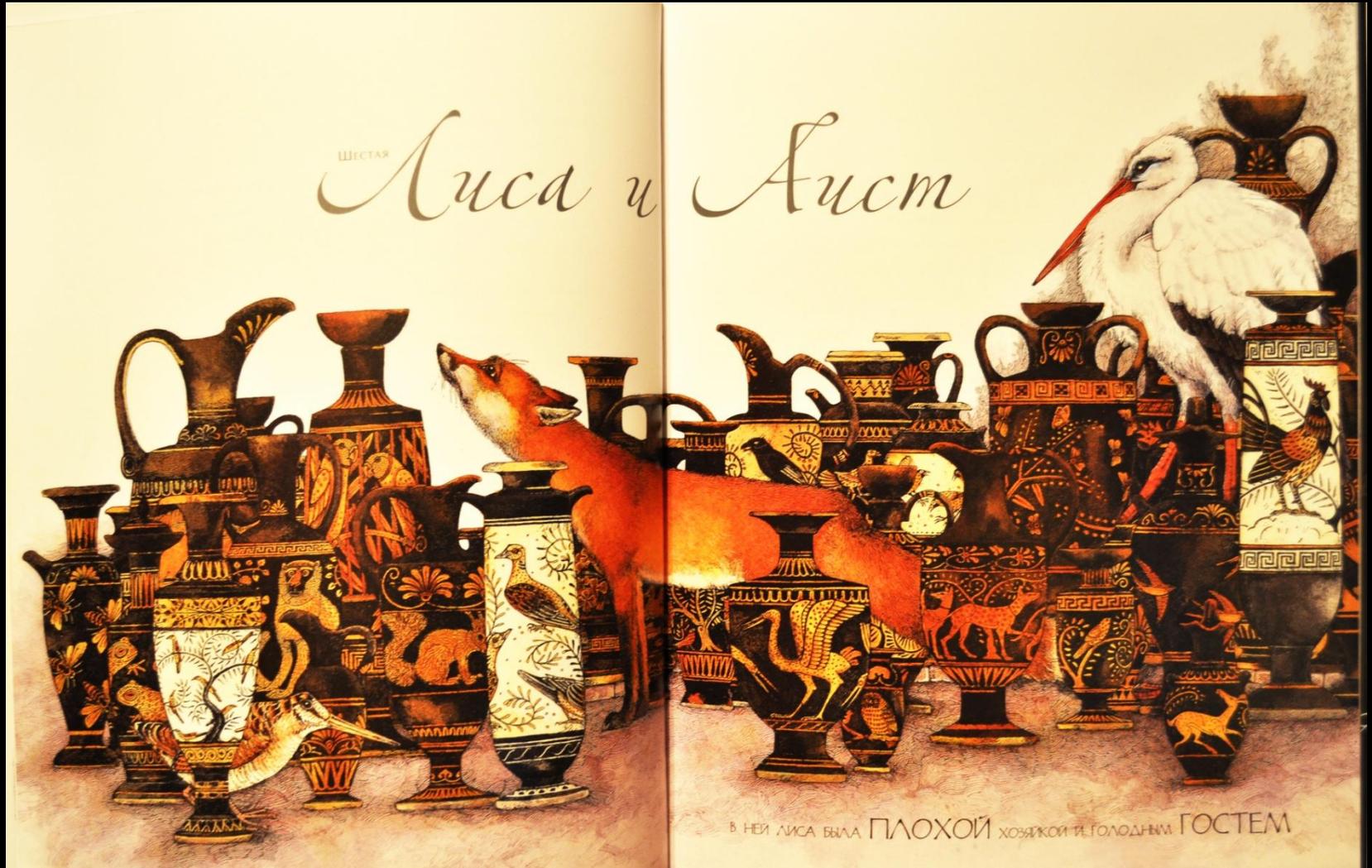
Анна Десницкая



Хелен Вард



фрагмент



Хелен Вард



Третья
*Галка
и птицы*

В НЕЙ ГАЛКА
НАРЯЖАЕТСЯ
В ЧУЖИЕ ПЕРЬЯ

фрагмент



Как-то раз один человек не закрыл водопроводный кран. А потом не вернулся домой, и никто не знает, куда он делся. Может, отправился на острова Фиджи, а может, поехал искать удачи туда, где в шахтах добывают золото, в Африку, говорят.

Вот так и получилось, что в воде, которая заполнила раковину, стала вытекать из неё на пол и разливаться повсюду, родился высокий, синий, прозрачный, кристально-чистый человек.

Водяной человек, коротко говоря.

Повторю для тех, кто не понял.
Водяной человек, весь целиком,
до той последней капли,
что стекла с его курчавых волос,
неожиданно поднялся
во весь рост, выпрыгнул
из умывальника
и удивился:

*— Что же тут
происходит,
герр? Возьми?*

Габриэль Пачеко

И всё же люди постепенно привыкли к нему: они поняли, что, в общем-то, не такой уж он и плохой.

Дворники, случалось, просили у него ночью воды напиться, потому что его вода, говорили они, действительно очень вкусная. И дети тянулись к нему с такой же просьбой.

*— Господин Водяной человек,
дайте, пожалуйста, попить!*



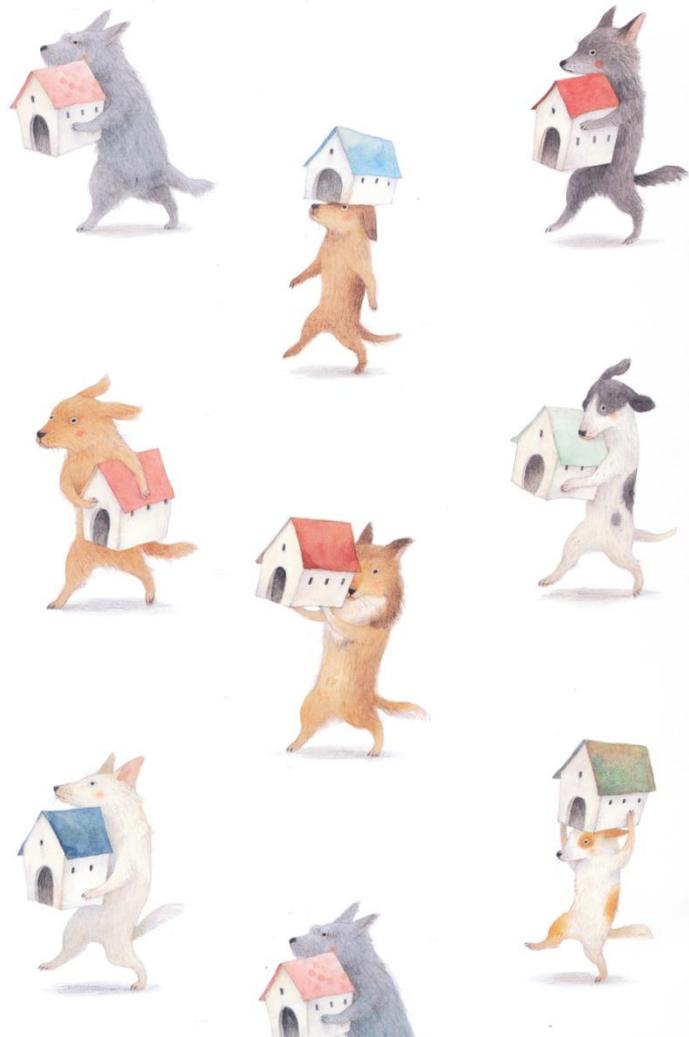
Ksanty.Yar





Ёжик сел на чью-то широкую скользкую спину
и через минуту оказался на берегу.
«Спасибо!» — вслух сказал Ёжик.
«Не за что!» — беззвучно сказал Кто-то,
кого Ёжик даже не видел, и пропал в волнах.

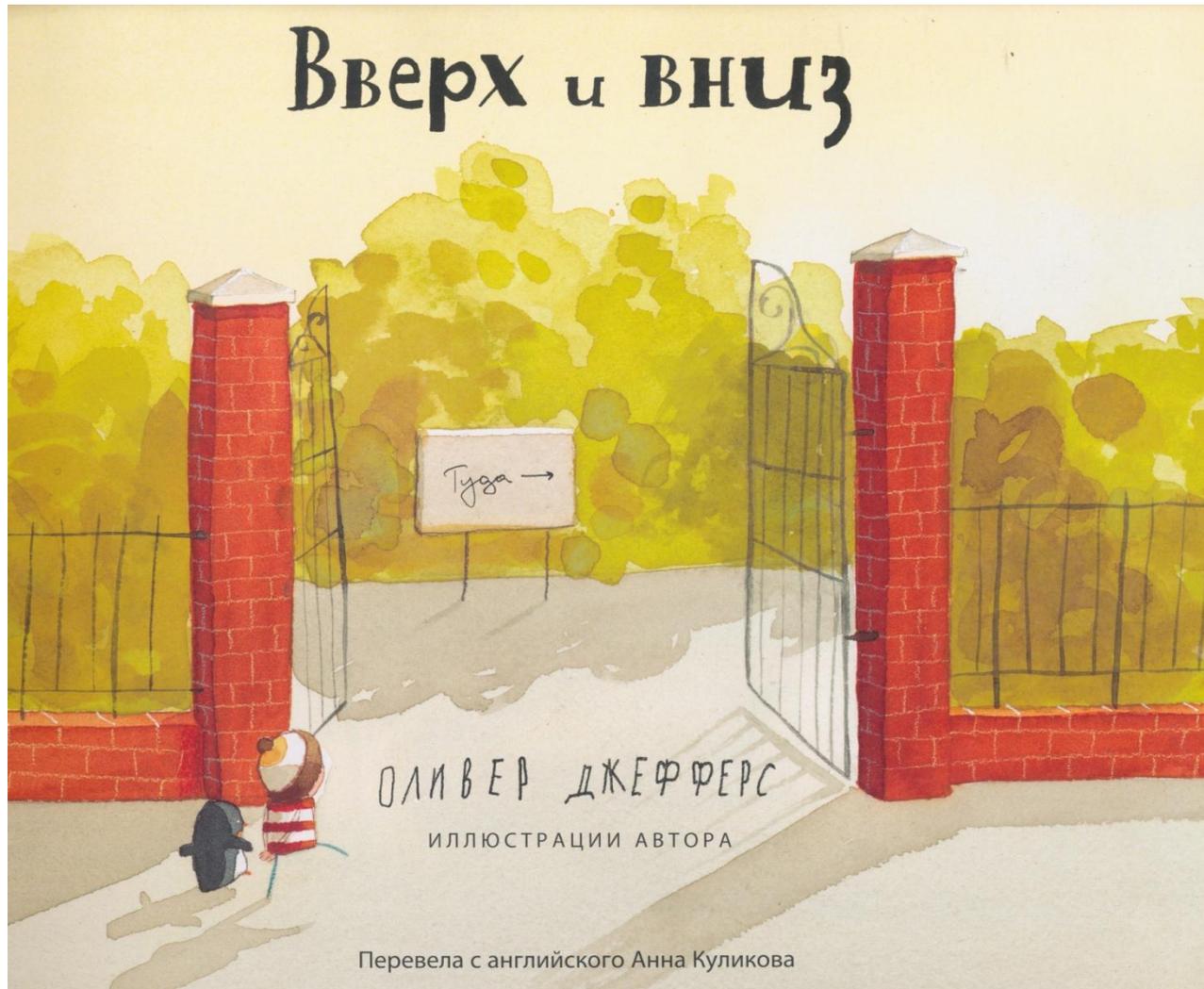






Фредерик Пийо

Лулу никогда ещё не было так досадно, так плохо –
как же её обхитрила рыжая эта пройдоха?
Прощайте, надежды! Прощай, музыкальный приз!
И жаль музыкантов... Кто вызовет их на бис?
И вдруг... Что случилось?.. У окон столпился народ:
Сорока по кличке Трещу-за-двоих... А что она в клюве несёт?
Ключ!.. Ключ от дверей!.. Обманули Колетту!
Да мы тебя в клюв расцелуем за это!
Скорее в замок этот ключик спасительный вставь!
Теперь – на концерт!
Кто – бегом, кто – на крыльях, кто – вгльавь!



Оливер Джефферс







Пингвин
так разволновался,
что убежал, не сказав
ни слова.

омрачилось, когда он услышал о намерениях Лотаря, тем более что его сын в своей жалобе превратил Ришара в обидчика — тот-де ни с того ни с сего выпустил птицу. Под конец своего рассказа Осмонд указал на щеку герцога, на ожог, с очевидностью свидетельствовавший, что раскаленное железо действительно было пущено в ход. Король оглянулся на одного из собственных слуг и потребовал от него отчета — и слуга, запинаясь, вынужден был подтвердить, что юный сьер де Кентевиль сказал правду. Сердито попеняв своим людям за то, что они помогали принцу в его попытке изувечить ценную птицу, Луи призвал главного сокольничего, обругал и его — плохо-де смотрит за своими подопечными — и вышел с ним на двор посмотреть, не удастся ли вновь поймать улетевшего сокола, а оба мальчика остались без наказания и без прощения.

— На этот раз ты вывернулась, — холодно заявила Ришару Герберга. — В другой раз берись. Идем со мной, милый мой, бедненький Лотарь! — Она повела сына в свои покои, а французские слуги потихоньку ворчали, что господам не угодишь, ведь если в чем пойдешь против принца Лотаря, мстительный мальчишка восстановит против них королеву, что в итоге обернется куда большей бедой, чем неудовольствие короля. Осмонд



108

тем временем увел Ришара и еще раз вымыл ему лицо холодной водой, а там и Карломан прибежал попочувствовать другу, подвинуться, что он даже не плачет, и сказать, как он рад, что бедный сокол спасся.

Щека воспалилась и некоторое время болела, а глубокий шрам оставался еще долгое время после того, как боль улеглась, но Ришар даже не вспоминал об этом и считал бы мелочным злиться на Лотаря за эту рану.

Лотарь перестал дразнить Ришара за нормандский инцидент и величать его юным королем пиратов. Он опутал на себе его силу и теперь боялся, но вовсе не полюбил гостя, никогда не играл с ним по доброй воле, хмурился, мрачился и ревновал, если отец или кто-то из вельмож обращал малейшее внимание на герцога, а когда тот не мог его слышать, продолжал с обычной своей подлостью злословить о нем.

И Ришар платил ему взаимностью, равно презирая и трусость принца, и его надменные притязания. Ришар, наследник герцогства, в малолетстве и сам проявлял склонность повелевать всеми, но хорошее воспитание фру Астриды и уважение к графу Бернару сдерживали эти порывы, и врожденное великодушие не позволило бы ему обращаться с Альбриком — да что там, с последним из своих

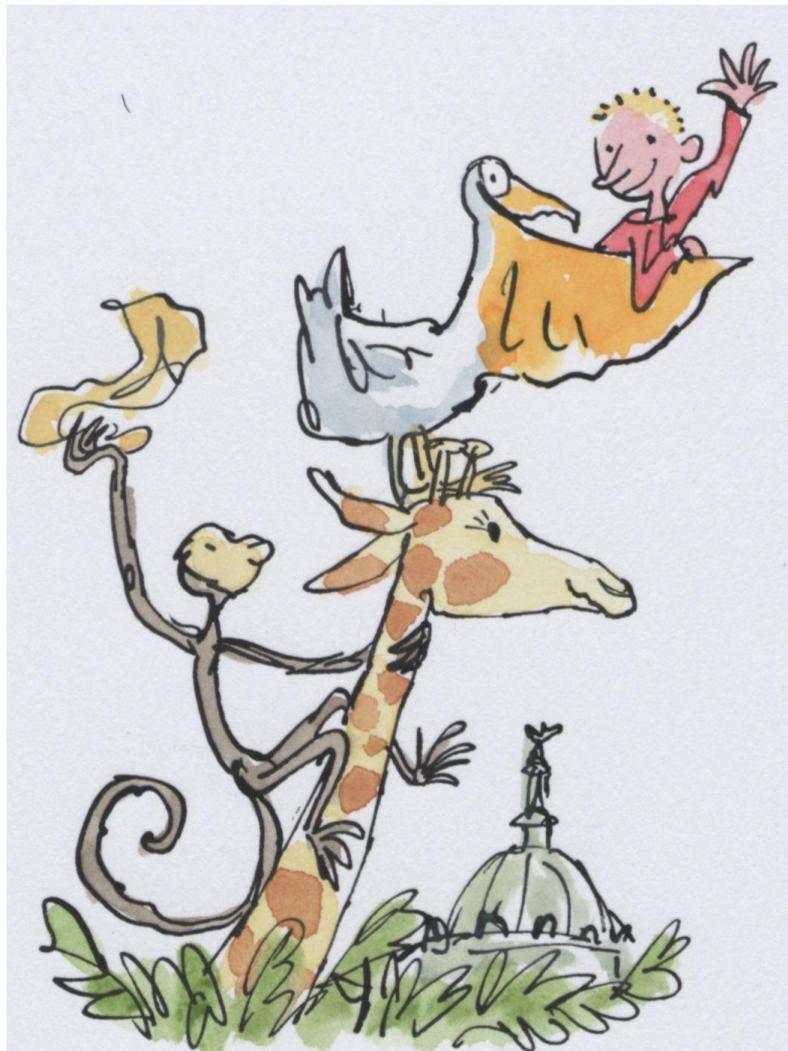


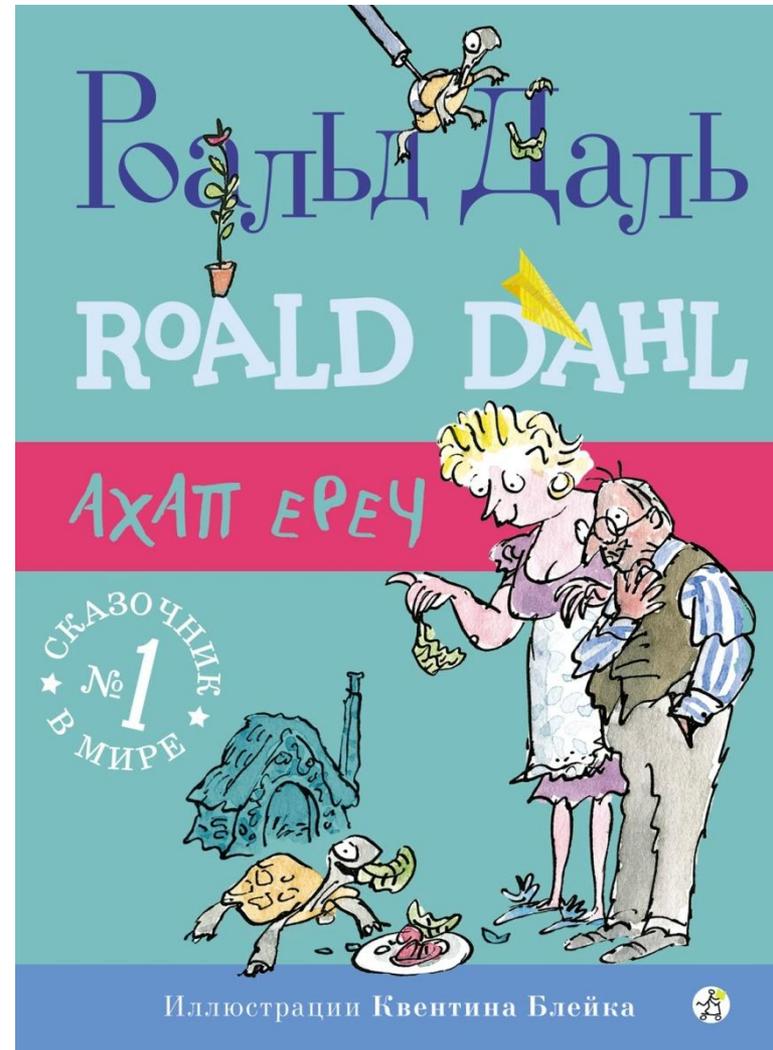
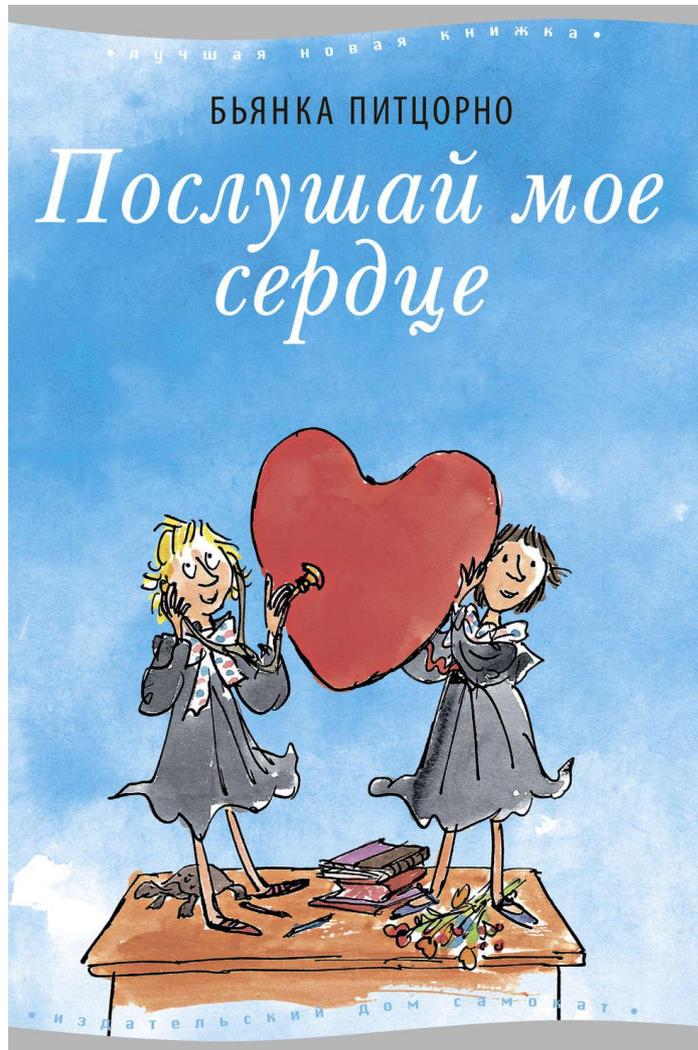
109









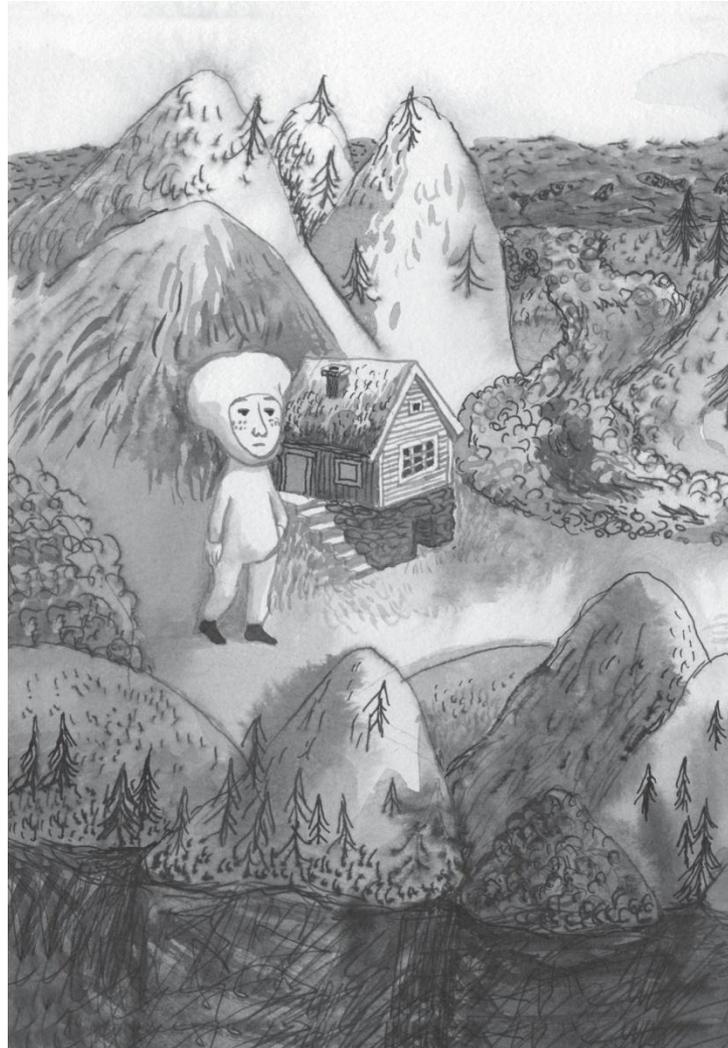


ВАРВАРА



ПОМИДОР

Варвара Помидор



Варвара Помидор



Варвара Помидор



Варвара Помидор



Варвара Помидор



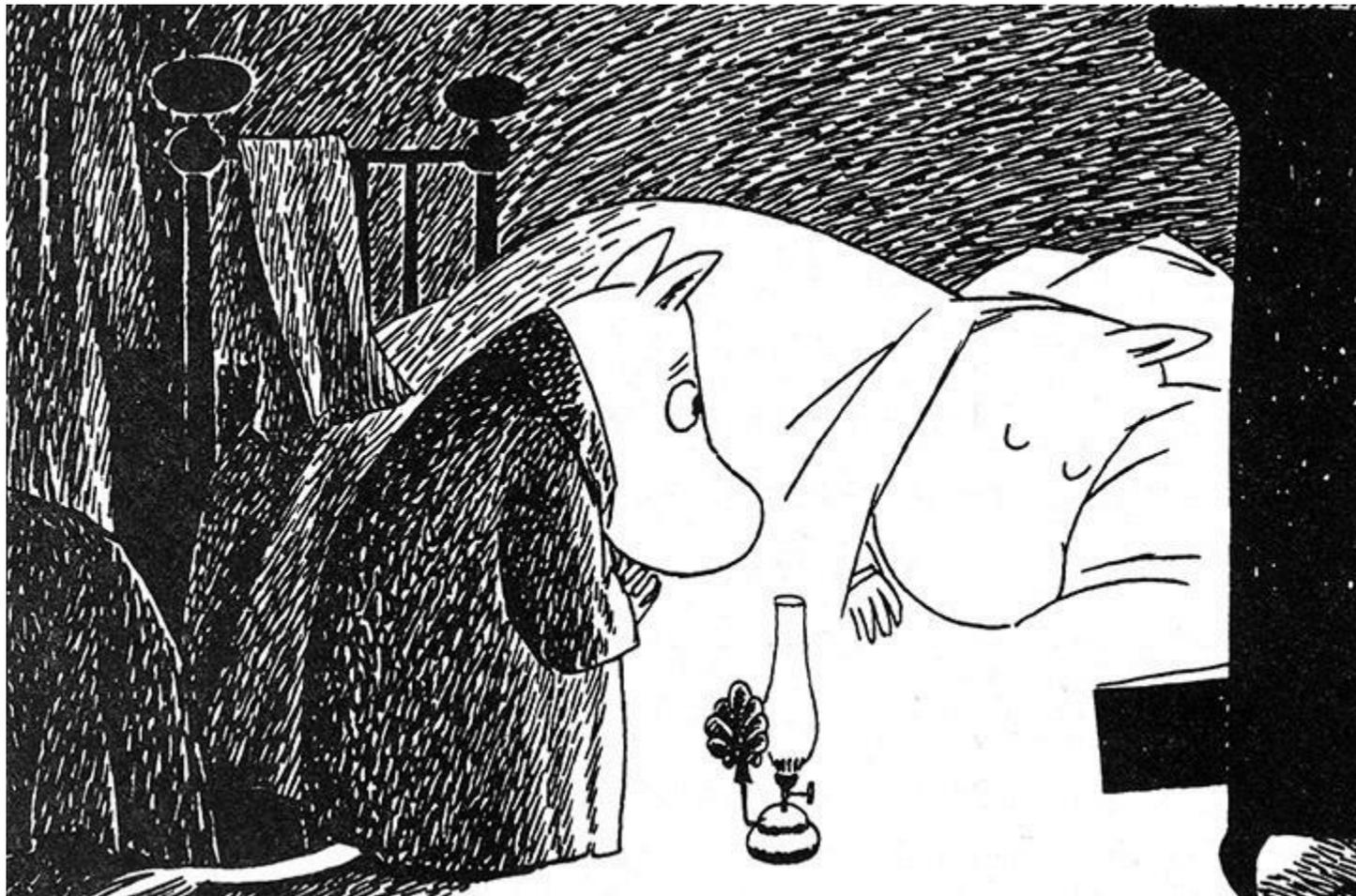
Варвара Помидор

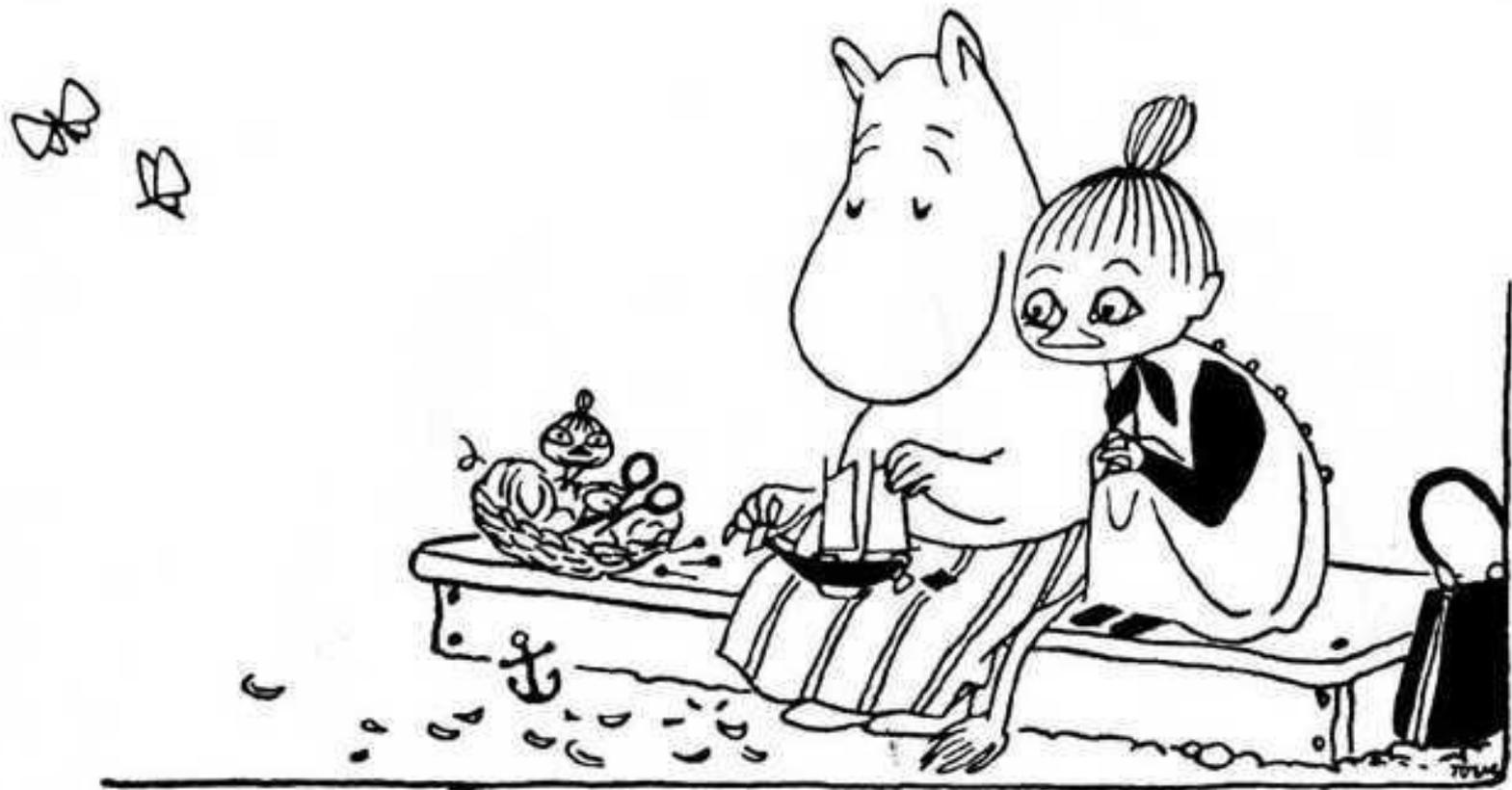




Джон Тенниел









Обновлённая конструкция впечатляла. Крошечный котёл с горячей водой подавал двигателю пар. Поршни двигательных цилиндров вращали шестерёнки. Свади жужжал пропеллер. С помощью тонких проволочек и шурупчиков можно было управлять крыльями. Стоило мышонку раскошегарить котёл, пропеллер поднимал настоящий ураган: все бумаги разлетались, и вокруг был ужасный беспорядок. Гордый изобретатель не сомневался — на этот раз полёт в Америку состоится!









Ребекка Дотремер



Ребекка Дотремер



Ребекка Дотремер



— Все странно и странно! — вскричала Лиса. От изумления она совсем забыла, как нужно говорить. — Я теперь открылась, словно подзорная труба. Прощайте, ноги!

(В эту минуту она как раз взглянула на ноги и увидела, как стремительно они уносятся вниз. Ещё мгновение — и они скроются на виду.)

— Бедные мои ножки! Кто же вас будет теперь обувать? Кто натанет на вас чулки и башмаки? Мне же до вас теперь, мои ножки, не достать. Мы будем так далеко друг от друга, что мне будет не до вас... Придётся вам обходиться без меня.

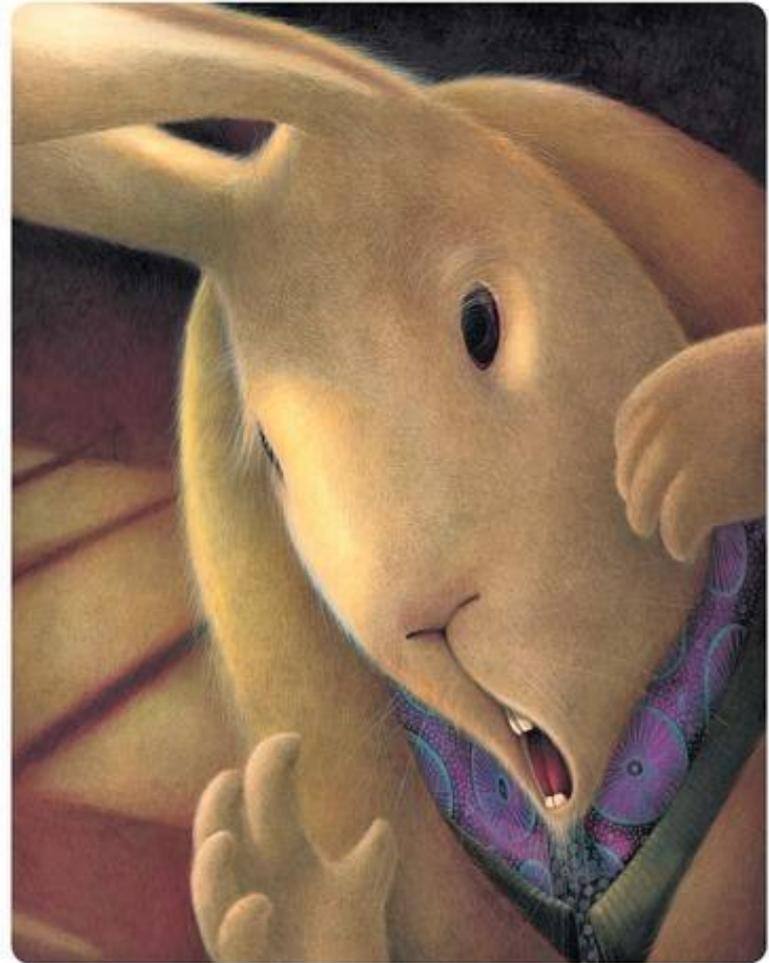
Тут она придумалась.

«Все-таки надо быть с тобой поласковее, — сказала она про себя. — А то ещё водомут и пойдут не в ту сторону. Ну ладно! На Рождество буду послать им в подарок новые ботиночки».

И она принялась строчить паваны.

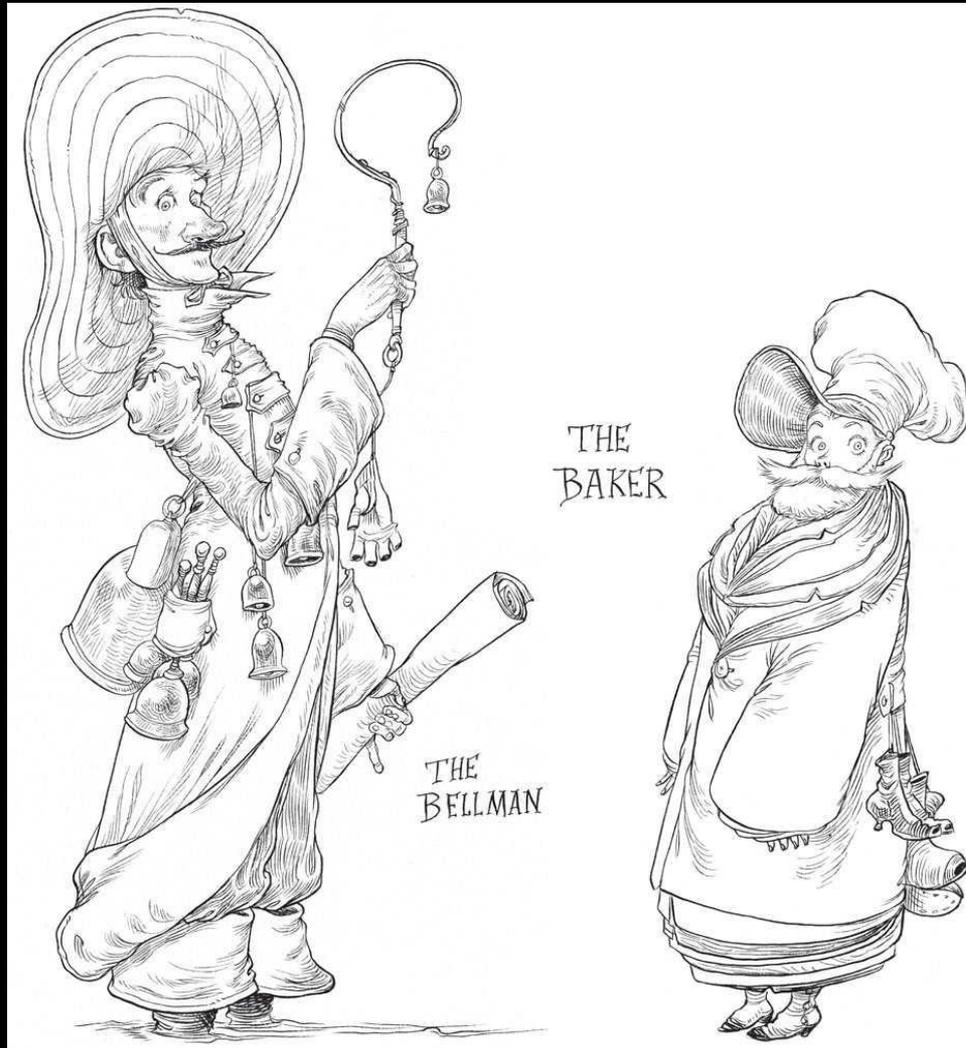
«Придётся отправлять их с посыльными, — думала она. — Вот будет смешно! Подарки собственным ногам! И адрес какой странной!»

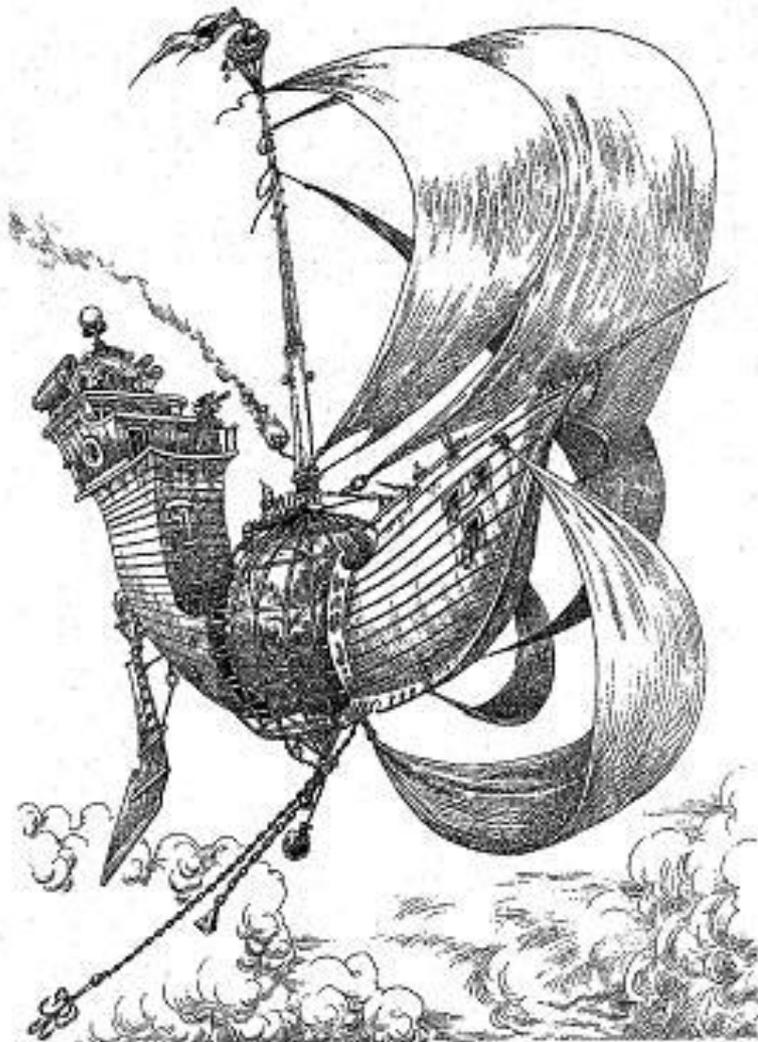
*Каминной Кофток
(что воле Каминной Решётки)
Гостюже Правой ноге —
С приветом от Алисы.*





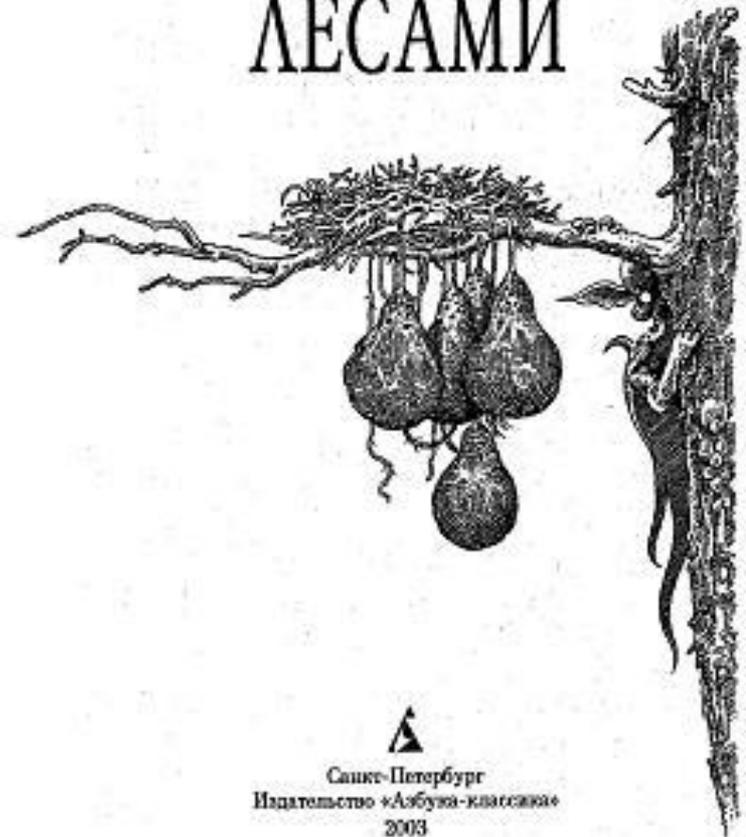






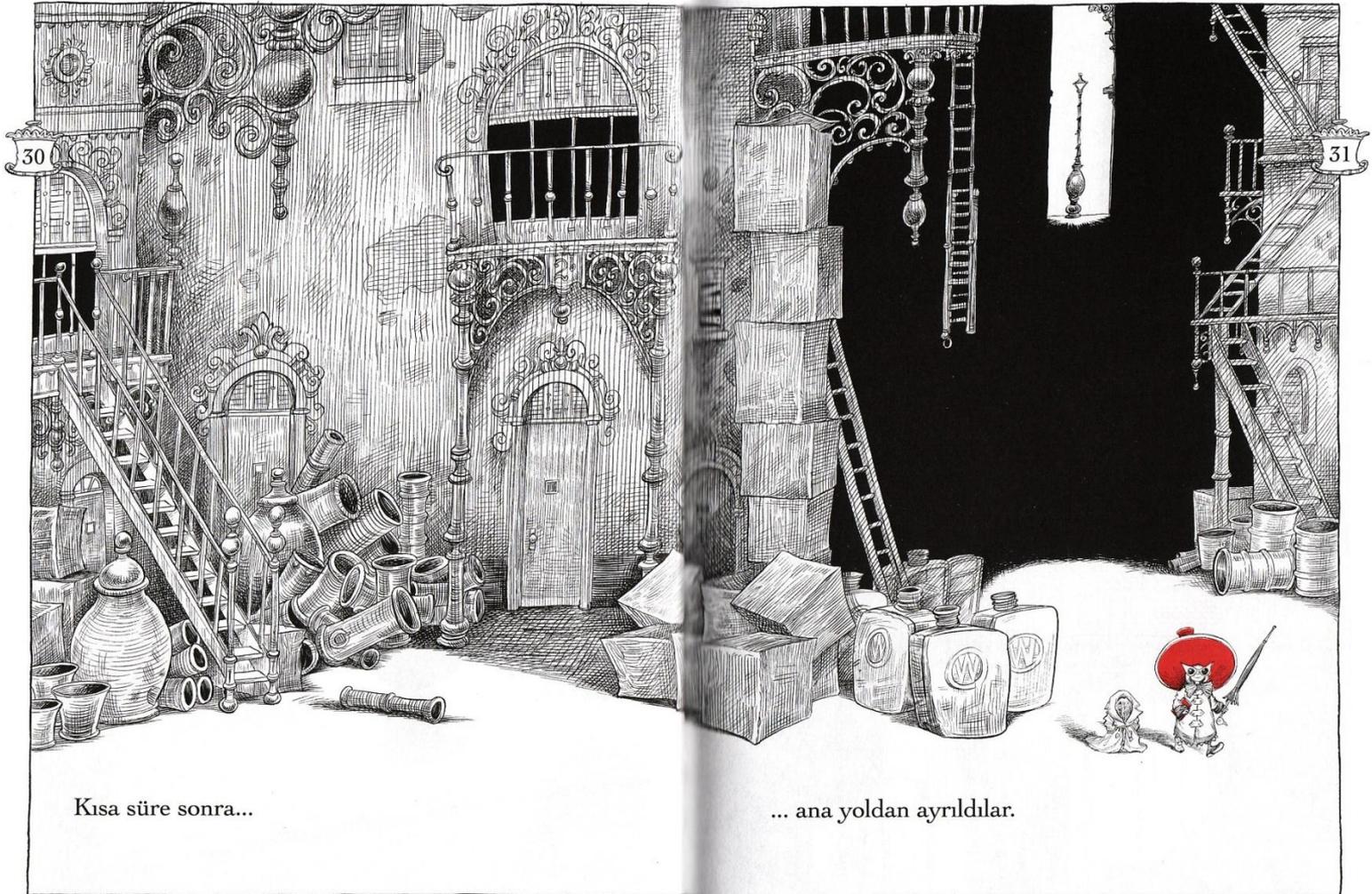
Пол Стюарт · Крис Ридделл

ЗА ТЕМНЫМИ ЛЕСАМИ

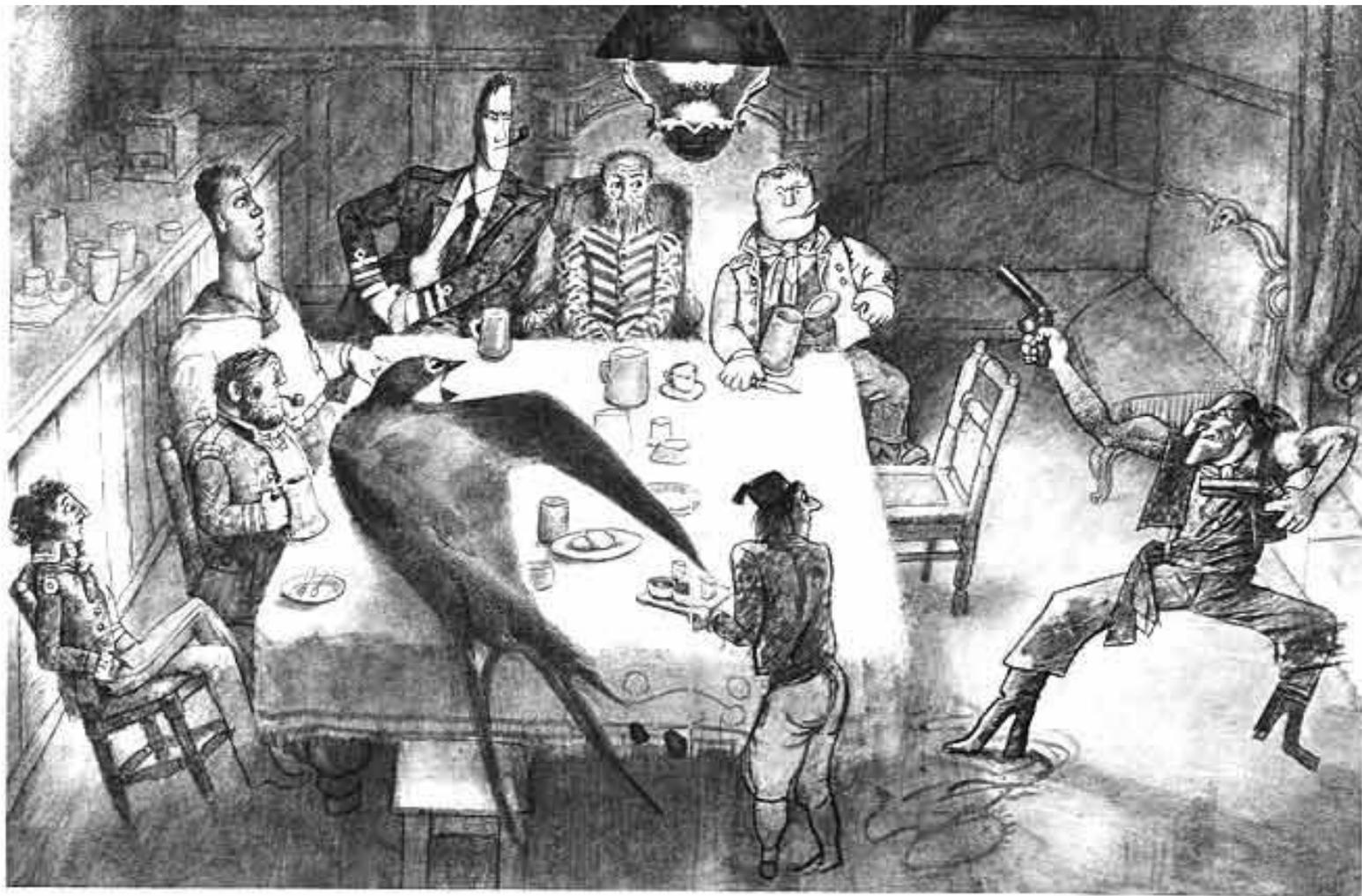


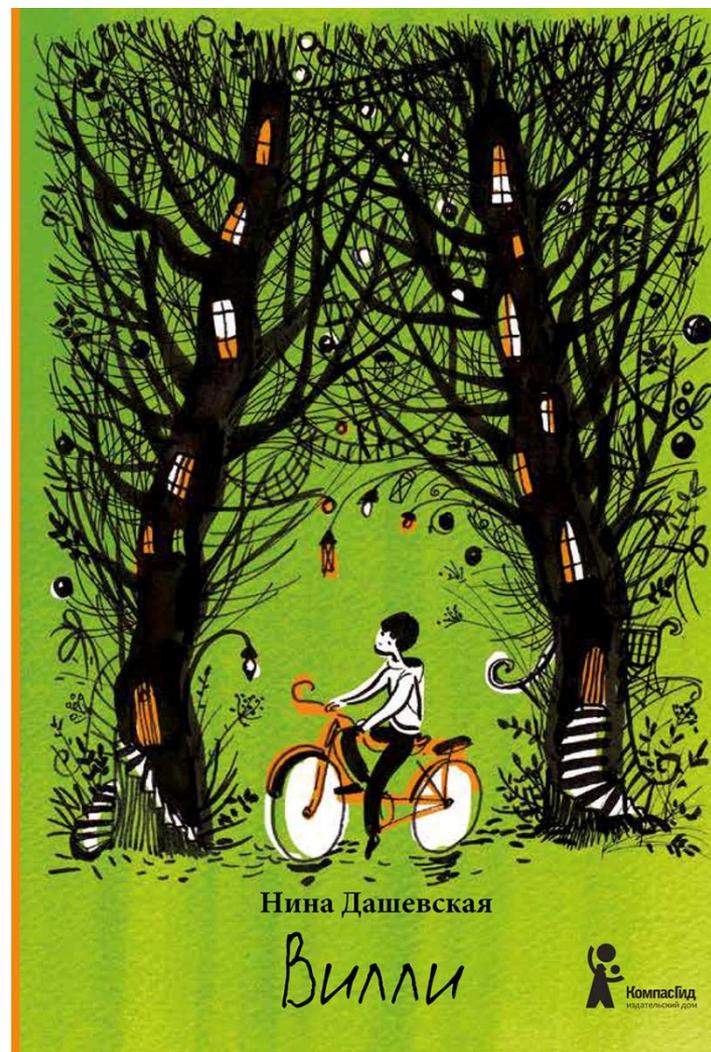

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2003



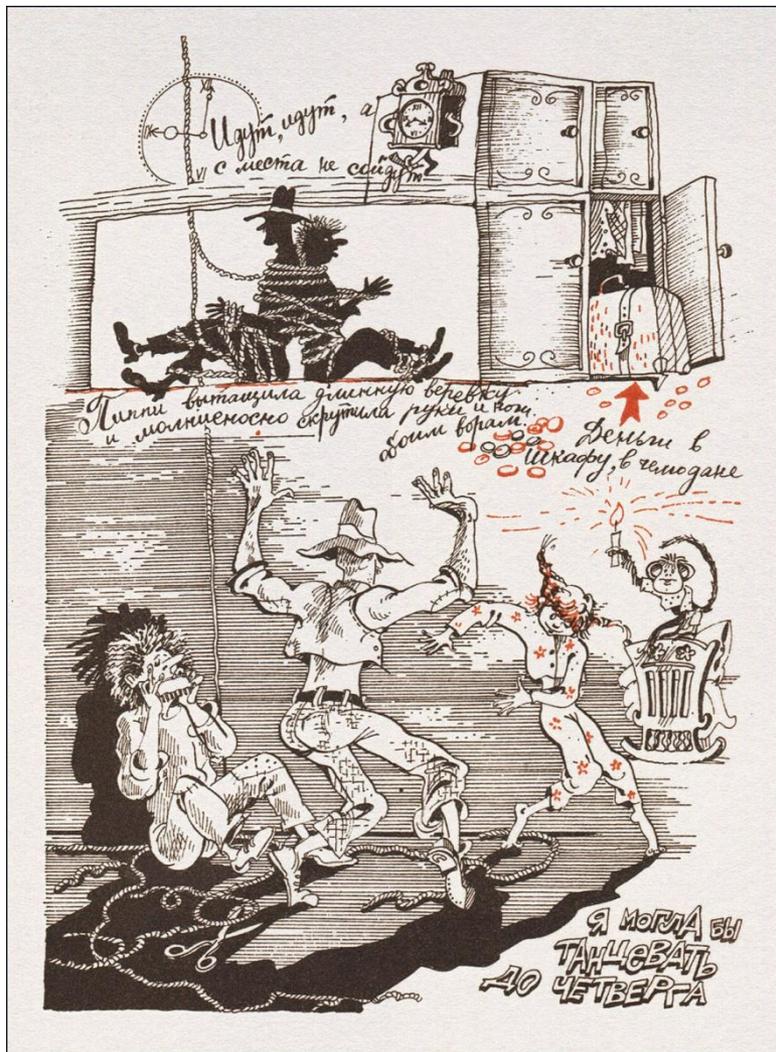


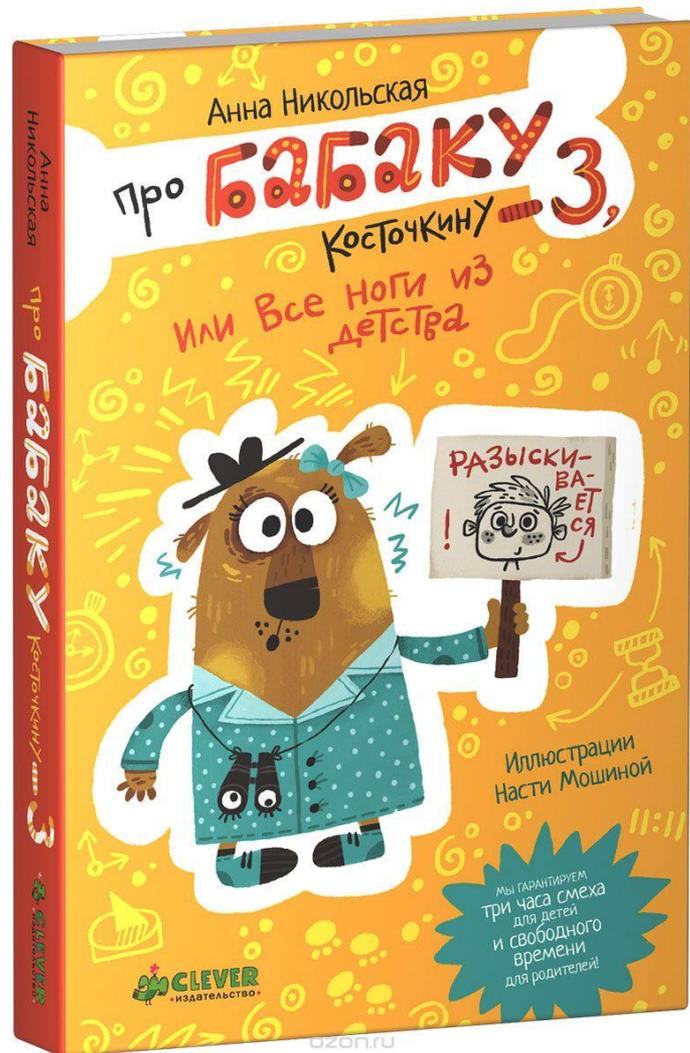
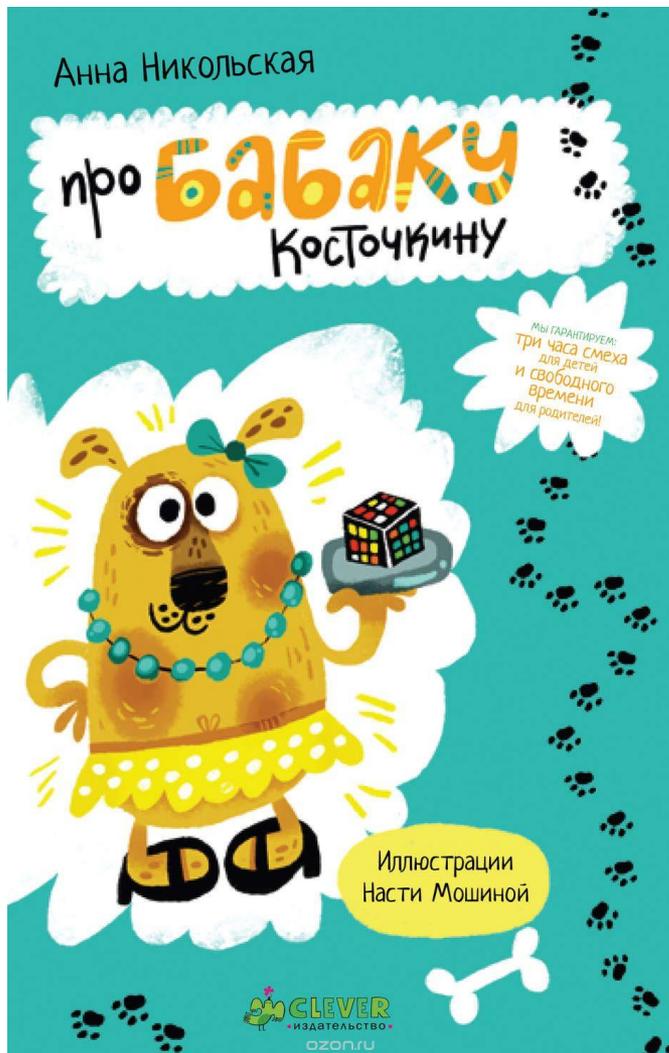




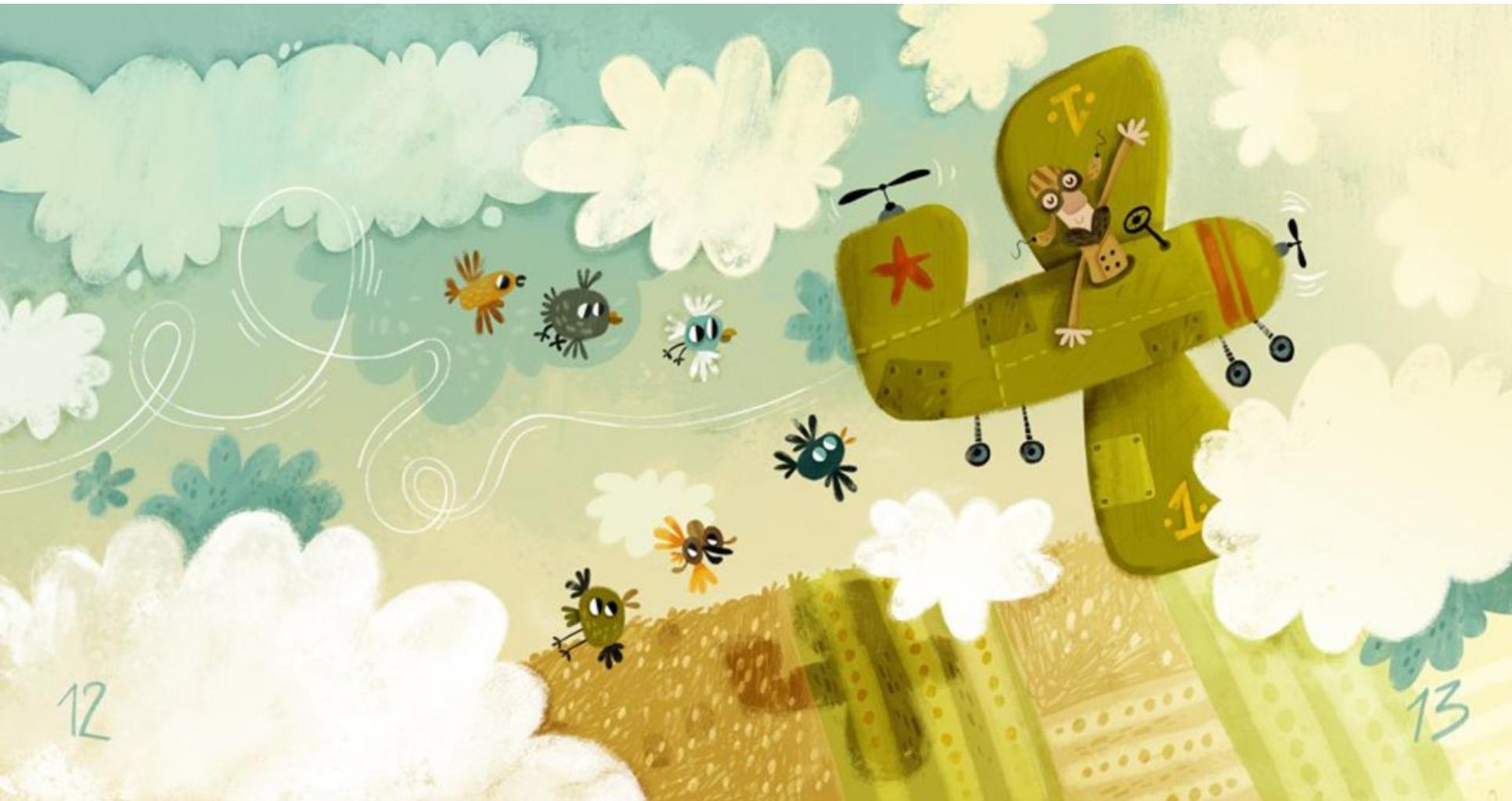


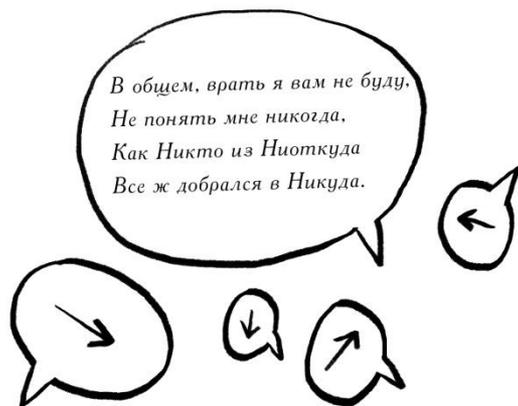
Евгения Двоскина











Дочитав до конца, я схватился за рожок люстры, оттолкнулся от ящиков (они с грохотом рухнули на пол) и... взлетел!

— Лови его! Держи хулигана! — завопили Головорезы. — Утекает!

Летел я недолго.

Долетев до шифоньера, я уже собирался на него спрыгнуть и по верхам добраться до коридора, но промахнулся.

Я промахнулся и вместо того, чтобы с честью выйти из затруднительного положения, я бумкнулся лбом об лакированную дверцу, шмякнулся на пол и опять потерял сознание.

КВАРТИРА № 17



На сей раз вот так:

